

А. Ф. Горелик, А. В. Цыбрий, В. В. Цыбрий

О чем поведали череп тура, топор и женские статуэтки? (К проблеме начальной неолитизации Нижнего Подонья)

Keywords: Lower Don Basin, Middle East, Neolithic, neolithisation.

Cuvinte cheie: Bazinul Donului Inferior, Orientul Mijlociu, neolitic, neolitizare.

Ключевые слова: Нижнее Подонье, Передняя Азия, неолит, неолитизация.

A. F. Gorelik, A. V. Tsybriy, V. V. Tsybriy

What did the Skull of Aurochs, an Axe and Female Statuettes Tell Us about? (On the problem of the initial neolithisation on the Lower Don)

Basing on some new and reconsideration of older materials, arguments for the migratory nature of the neolithisation impulses in Lower Don region are presented in this paper. Zagros region is considered to be the “homeland” of the elements of Neolithic package. In the PPNB period, across the Caucasian shore of the Black and Azov seas, possibly, also by sea, there were connections established between Zagros and Lower Don regions. The penetration of the new reproducing economy, possibly, together with its bearers, took part between 8500—7000 BC. As early as in the Pre-Pottery Neolithic, here emerges a relative sedentism, together with stone and clay architecture, anthropomorphic and zoomorphic figurative art. The pottery first appears at the beginning of the 7th millennium BC. Of particular importance was the spread of new ways of stone tools production. Together with ceramics, we suppose the provenience of domesticated animals (cattle, swine, sheep/goat) from the territory of Zagros and adjacent regions of Iran. The existence of close contacts between the population of Neolithic sites in Lower Don region and some areas from the Fertile Crescent are confirmed by analogies for such inventory, as clay balls, adzes/axes of soft stone, specific “polishers”, medallions, bone pendants with snake ornamentation, stone vessels and geometrical microlites.

A. F. Gorelik, A. V. Tsybriy, V. V. Tsybriy

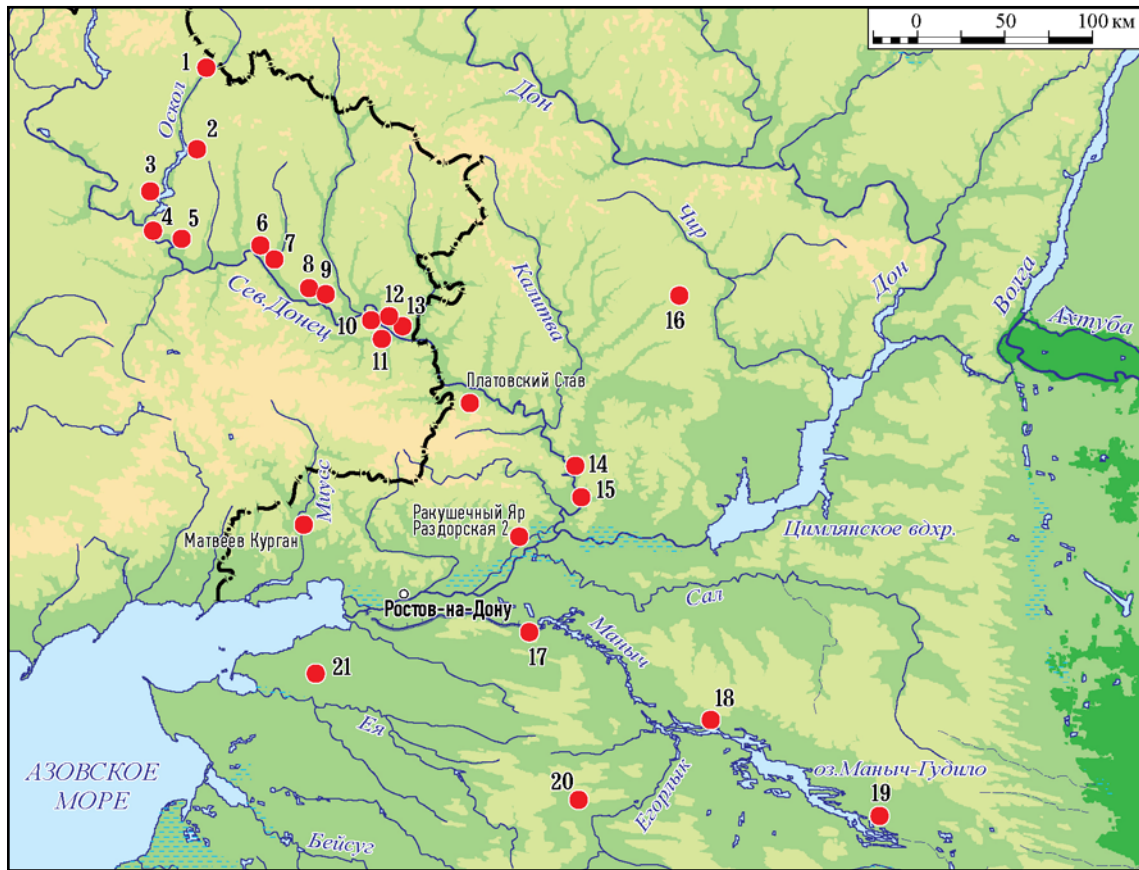
Despre ce ne-au comunicat craniul unui bour, un topor și câteva figurine feminine? (Contribuții la problema neolitizării inițiale a Donului de Jos)

În baza analizei unor materiale noi și reexaminării altor informații mai vechi cu privire la neoliticul timpuriu, sunt aduse argumente în favoarea caracterului migraționist al impulsurilor de neolitizare în bazinul inferior al Donului. Drept „patria” elementelor pachetului neolitic este considerată regiunea Zagros, din care, în perioada PPNB, de-a lungul țărmului caucazian al mărilor Neagră și Azov, poate și pe cale maritimă, au fost stabilite legături cu Donul de Jos. Pătrunderea noilor forme de economie producătoare, posibil, împreună cu purtătorii acesteia, poate fi fixată între 8500—7000 ani î.Hr. Încă în perioada neoliticului aceramic, aici apare o oarecare formă de sedentarism, arhitectură cu utilizarea pietrei și lutului, plastica antropomorfă și zoomorfă. Apariția ceramicii se datează cu începutul mileniului VII î.Hr. Deosebit de importantă a fost și răspândirea noilor tehnici de șlefuire a pietrei și obținerea lamelor. Împreună cu ceramica, poate fi presupusă pătrunderea animalelor domesticate (vite cornute mari, porcine, ovicaprine) din Zagros sau teritoriile învecinate (din est) ale Iranului. Contactele strânse dintre populația primelor așezări neolitice de la Donul de Jos și populația regiunilor din componența Semilunei Fertile sunt susținute de unele analogii directe pentru asemenea categorii de piese, kerucum bile din lut, topoare/tesle din piatră moale, „șlefuitoare” de formă specifică, medalioane, pandantive din os decorate cu reprezentări de șerpi, vase din piatră și microliți geometrice.

А. Ф. Горелик, А. В. Цыбрий, В. В. Цыбрий

О чем поведали череп тура, топор и женские статуэтки? (К проблеме начальной неолитизации Нижнего Подонья)

В статье на основе анализа новых и пересмотра старых материалов по раннему неолиту приведены аргументы в пользу миграционной природы импульсов неолитизации в бассейне Нижнего Подонья. В качестве «прародины» элементов неолитического пакета рассматривается район Загроса, откуда в период PPNB, по кавказскому побережью Черного и Азовского морей, возможно, также морским путем, имели место связи с Нижним Подоньем. Время проникновения новых форм ведения хозяйства, возможно, вместе с носителями производящей экономики, фиксируется между 8500—7000 лет до н.э. Еще в период докерамического неолита здесь возникает относительная оседлость, архитектура с использованием камня и глины, антропоморфная и зооморфная пластика. Появление керамики относится к началу VII тыс. до н.э. Особое значение приобрело и распространение техники шлифовки мягких пород камня и ручного отжима пластин. Совместно с керамикой предполагается появление одомашненных животных (крупного рогатого скота, свиньи, овцы/козы) с территории Загроса и прилегающих к нему с востока районов Ирана. Тесные контакты обитателей первых неолитических поселений Нижнего Подонья и населения районов Плодородного Полумесца подтверждаются прямыми аналогиями по таким изделиям, как глиняные шарики, тесла/топоры из мягкого камня, «утоужки», медальоны, костяные подвески, украшенные изображениями змей, каменные сосуды и геометрические микролиты.

Рис. 1. Неолитические памятники бассейна Нижнего Дона. 1 — Пришиб; 2 — Александрия; 3 — Яремовка; 4 — Устье Оскола; 5 — Дробышево; 6 — Зеленая Горница; 7 — стоянки у с. Боровское; 8 — Ольховая 2, 5; 9 — Орехово-Донецкое; 10 — Должик; 11 — Мурзина Балка; 12 — Зеленополье; 13 — Зимовники; 14 — Нижнесеребряковская; 15 — Усть-Быстрая; 16 — Кременная 2; 17 — Красный Октябрь; 18 — Курганный; 19 — Цыганица; 20 — Рассыпная 1—6; 21 — Красная Балка. 1—9, 14, 15 — донецкая культура; 10—13, 16—21 — платовоставская культура (данные по Крижевская 1991; Котова 2002 и исследованиям авторов).

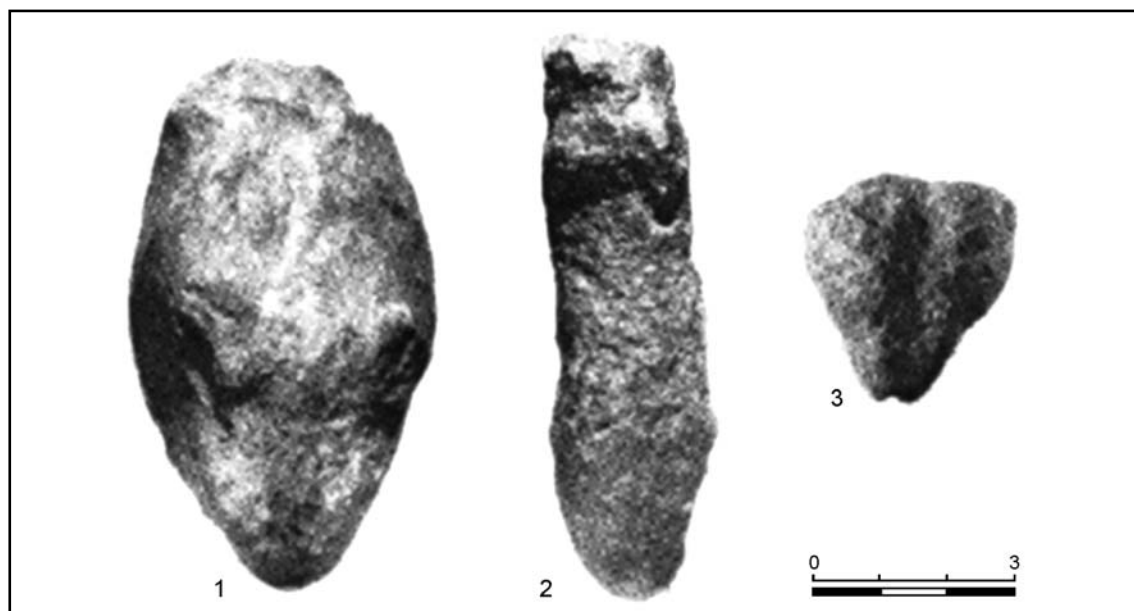
Fig. 1. Neolithic sites of the Lower Don basin. 1 — Pryshyb; 2 — Aleksandria; 3 — Yaremovka; 4 — mouth of Oskol; 5 — Drobyshevo; 6 — Zelenaya Gornitsa; 7 — sites near village Borovskoe; 8 — Olkhovaya 2, 5; 9 — Orekhovo-Donetskoe; 10 — Dolzhik; 11 — Murzina Balka; 12 — Zelenopol'e; 13 — Zimovniki; 14 — Nizhneserebriakovskaia; 15 — Ust'-Bystraia; 16 — Kremennaia 2; 17 — Krasnyi Oktiabr'; 18 — Kurgannii; 19 — Tsyganitsa; 20 — Rassypnaia 1—6; 21 — Krasnaia Balka. 1—9, 14, 15 — Donets culture; 10—13, 16—21 — Platovskii Stav culture (data after Крижевская 1991; Котова 2002 and author's investigations).

Введение

При описании итогов раскопок 1960—1970-х годов ранне-неолитического поселения Матвеев Курган 2 в Северо-Восточном Приазовье (рис. 1) руководитель работ Л. Я. Крижевская особое внимание уделила анализу и интерпретации культового захоронения черепа тура (Крижевская 1992: 23). С позиций современной археологии есть смысл еще раз вернуться к рассмотрению этого объекта и связанного с ним археологического контекста. Материалы матвеевокурганских поселений, датируемые концом VII тыс. до н. э.¹, необыч-

ны во многих отношениях. Они документируют довольно ранний для азово-черноморских степей переход к неолиту, здесь отсутствует типичная глиняная посуда; на фоне доминирующей дикой фауны, определены кости всех экономически основополагающих в неолите видов домашних животных: крупного рогатого скота, овцы/козы и свиньи (Крижевская 1992: 103—105; Veneske 1997: 638). Изучение поселений Приазовья и Нижнего Подонья, близких Матвееву Кургану, в частности, Ракушечного Яра (Белановская 1995) и особенно Раздорской 2 (Цыбрий, Цыбрий 2003; Цыбрий 2008) (рис. 1) подтвердило особый характер развития неолита данного региона, возникновение которого было отодвинуто к концу VIII—VII тыс. до н. э. (Aleksandrovsky et al. 2009: 95—96). Нам представляется умест-

¹ Все даты в тексте статьи даны в их калиброванном значении.

Рис. 2. Глиняные статуэтки из Матвеева Кургана (по Крижевская 1983: рис. 3): 1 — изображение женщины; 2 — голова животного; 3 — фрагмент статуэтки с изображением ног.

Fig. 2. Clay statuettes from the Matveev Kurgan Settlements (after Крижевская 1983: рис. 3): 1 — female image; 2 — head of the animal; 3 — fragment of a figurine with the representation of legs.

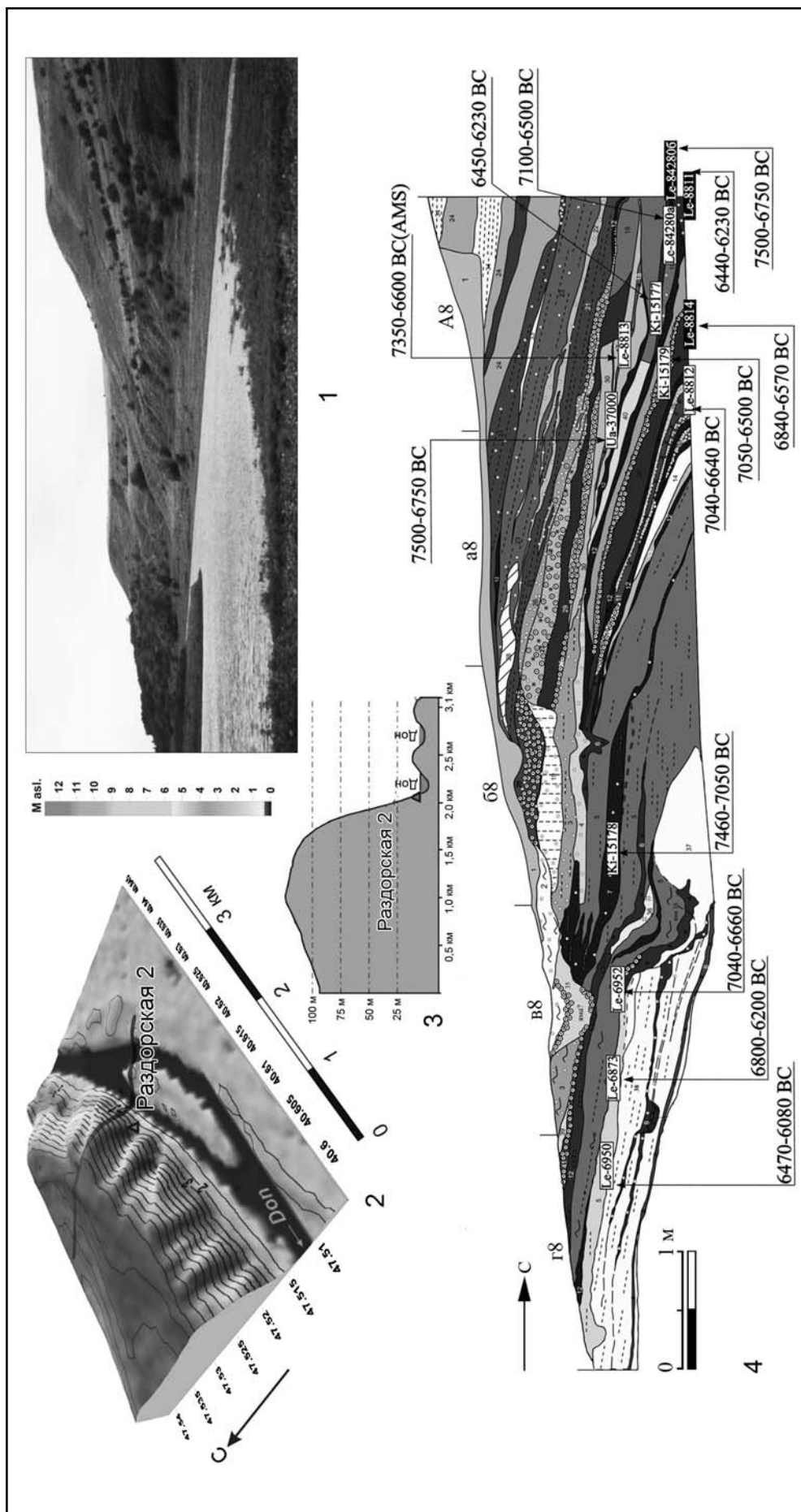
ным в связи с анализом ритуального захоронения на поселении Матвеев Курган 2 затронуть также более общие проблемы, в частности, выявить исторические корни нижнедонско-приазовского неолита, проследить пути проникновения сюда domesticiрованных животных, обозначить своеобразие неолитизации данного региона.

«Загадка» культового захоронения

По описаниям Л.Я. Крижевской, на одном из участков поверхности поселения Матвеев Курган 2, в очажной ямке размером $1 \times 0,6 \times 0,15$ м, была захоронена часть черепа тура с одним рогом (Крижевская 1992: 28). Вокруг захоронения располагались остатки кострища с большим количеством бытовых отходов. Согласно определению В.И. Бибиковой, череп принадлежал очень крупной особи тура. Показательно, что среди фаунистических остатков поселения кости тура были единичны. По мнению Л.Я. Крижевской, добыча этого сильного и весьма опасного для охотника животного была большой редкостью (Крижевская 1992: 103). Вероятно, его сила, вероломство и непредсказуемость были основанием для культового почитания, что нашло отражение в характере захоронения *pars pro toto*, типичном для первобытного фетишизма. Не меньший интерес вызвал археологический

контекст, сопровождающий этот культовый объект. В трех метрах от него было обнаружено **глинобитное** сооружение (выделено авторами) из двух останцов обожженной глины, абсолютно необычное для восточноевропейского неолита. Высота наибольшего останца составляла 0,47 м! Следует заметить, что на поселениях у Матвеева Кургана был многократно прослежен беспрецедентный для неолитических памятников северопонтийского региона характер использования глины. На Матвеевом Кургане 1 она применялась для обмазки внутренних и внешних стен жилища, пола, устьев очагов (Крижевская 1992: 13, 15, 16, 17). На поселении Матвеев Курган 2 были отмечены конструкции, напоминающие печи, яма с запасами строительной глины (Крижевская 1992: 24, 25). Среди находок, обнаруженных возле глинобитного сооружения, заслуживает внимание целый тщательно отшлифованный большой топор из аргиллита, который, по мнению Л.Я. Крижевской, также как и сооружение, находился в одном функционально-смысловом контексте с захоронением головы тура.

Семантика описанных выше объектов становится более понятной в свете находок на поселениях у Матвеева Кургана уникальных для азово-черноморского неолита статуэток из глины, две из которых — женские (рис. 2: 1, 3) а одна, как будто бы, передает голову кабана (рис. 2: 2) (Крижевская 1983: 62—63; Križevskaja 1981: 27). По мнению ис-

Рис. 3. Поселение Раздорская 2. Общий вид (1), топографический план (2) и профиль долины места расположения памятника (3), разрез раскопа (4) (1, 4 — по Цыбрий 2010; рис. 4, 16; 2, 3 — по Aleksandrovsky et al. 2009; fig. 5; радиоуглеродные датировки по Цыбрий 2008: 92; 2010: 56; Aleksandrovsky et al. 2009; Table 4, 5).

Fig. 3. Settlement Razdorskaya 2. A view over the settlement (1), a topographic plan (2) and topographic profile (3) of the settlement, a profile of the excavation pit (4) (1, 4 — after Цыбрий 2010; рис. 4, 16; 2, 3 — after Aleksandrovsky et al. 2009; fig. 5; ¹⁴C dating after Цыбрий 2008: 92; 2010: 56; Aleksandrovsky et al. 2009; Table 4, 5).

следовательницы, одно из изображений, лишенное головы, с ногами, сведенными на конус, изготовлено из тонкого глиняного стерженька, длиной 3,8 см (рис. 2: 1). Женская грудь у этой находки передана схематично, посредством рельефа, что указывает на половую принадлежность. На миниатюрном фрагменте (длиной 1,5 см) другой статуэтки изображены ноги, сведенные на конус (рис. 2: 3). Л. Я. Крижевская абсолютно справедливо обратилась к ближневосточным источникам в поиске параллелей некоторым феноменам, выявленным в Матвеевом Кургане. Она первой заметила, что характер утилизации глины на приазовских поселениях созвучен начальной, предшествующей изготовлению сосудов, фазе использования глины в Передней Азии, по Дениз Шмандт-Бессерат (Крижевская 1992: 91). В то же время, в итоге она отдала предпочтение версии независимого от ближневосточных источников развития неолитизации в причерноморских степях.

Сегодня возникновение нижнедонского неолита под влиянием импульсов из Передней Азии представляется более убедительной гипотезой. Она зиждется на многих аргументах. Если еще совсем недавно считалось, что даже на территории Европы имелось несколько центров первичной доместикиации², то сегодня, главным образом, благодаря успехам палеогенетики, стало очевидно, что полученные данные все больше подкрепляют концепции, рассматривающие лишь зону Плодородного Полумесяца и соседние с ней регионы как центры доместикиации (Cauvin 2000: 137; Zeder 2009: 1—63; Scheu 2012: 123; Geörg 2013: 119, 134). Поскольку центры первичной доместикиации, релевантные для Европы, лежали в Передней Азии, возможно, в отдельных районах Кавказа, история неолитизации Европы, во многом, связана с поиском ответов на вопросы: когда, откуда и какими путями новая экономика, а вместе с нею и другие элементы неолитического пакета (Özdoğan 2011: 28—30) проникали из Передней Азии в те или иные ее регионы?

Археологический контекст поселений у Матвеева Кургана оказал конгруэнтным, во многих отношениях, материалам ближневосточного неолита. Самая диагностичная и показательная его часть — это набор символов. Женское воплощение божества, зачастую в глиняной пластике, и бык — символ

воинственного мужского начала, утвердившиеся в многообразной символике Леванта начиная с 9500 до н.э., в ходе «революции символов», стали, согласно концепции известного французского неолитоведа Жака Кове, идеологическим прологом неолитической революции (Cauvin 2000: 32). В период докерамического неолита В (PPNB), между 8600—7000 до н.э., в связи с массовым расселением носителей культуры неолита из их первичных очагов во вторичные, новые символы, транслируя воспринятые коллективным сознанием культурные ценности, прокладывали путь экономическим и социальным трансформациям. Поскольку не только женские статуэтки и различные изображения быка, но и многие обычные вещи были носителями новой символики, расселение носителей новых неолитических традиций сопровождалось распространением т.н. «неолитического пакета», включавшего, при всем региональном разнообразии комбинаций артефактов, как правило, полированные топоры. Мы исходим из того, что установленный на поселениях Матвеева Кургана набор, состоящий из женских глиняных статуэток, полированного топора, захоронения части быка, на фоне присутствия костей domestцированных животных, широкого использования глины как строительного материала и сырья для пластики, до начала массового производства глиняной посуды служат достаточными аргументами в пользу гипотезы о переднеазиатских источниках неолитизации в Приазовье.

Когда и какими путями неолитические традиции проникли в Нижнее Подонье и Приазовье? На эти вопросы помогают ответить данные многолетних исследований поселения Раздорская 2.

Характеристика исследований поселения Раздорская 2

Поселение Раздорская 2 (рис. 3) расположено между станицами Раздорская и Пухляковская на правом берегу Нижнего Дона, в 130 км от впадения реки в Азовское море, в 100 км к северу от Ростова-на-Дону (рис. 1). В окрестностях этого памятника были исследованы другие многослойные неолитические поселения, относящиеся к несколько более позднему времени: Ракушечный Яр (Белановская 1995) и Раздорское 1 (Кияшко 1987; 1984). Эти памятники были обнаружены в конце 1950-х годов местным краеведом Л. Т. Агарковым. Наиболее значимо поселение Ракушечный Яр, где была выявлена свита из 23 слоев неолита-энеолита и ранней

² Применительно к территории Украины, в наиболее парадоксальной форме идея местной доместикиации целого ряда животных была недавно реанимирована Н. Котовой (2002: 77).

бронзы. Из них 19 неолитических слоев содержали, начиная с самых древних горизонтов, знаковые для неолита керамику и кости domesticированных животных (Белановская 1995). Неолитические слои были датированы по радиоуглероду в рамках двух интервалов: более древнего — 7—6,5 тыс. лет до н.э. и более молодого — 6—5,5 тыс. лет до н.э. (Aleksandrovsky et al. 2009: 95—96).

В 1987 г. на поселении Раздорская 2 А. В. Кияшко, Н. С. Котова и Н. И. Ромащенко выявили размываемый культурный слой. В ходе последовавших раскопок поселения, которые уже в течение 13 лет ведутся под руководством В. В. и А. В. Цыбриев, было вскрыто 238 м² (Цыбрий 2008).

Поселение расположено на поверхности высокой поймы реки, на узком участке длиной около 70 м, который непосредственно примыкает к основанию высокой плиоценовой правобережной террасы Дона (рис. 3). Поселение образовалось вследствие аккумуляции многих культурных напластований, которые образовали здесь толщу свыше 2 м. Свита культурных наслоений перекрыта пачкой стерильных седиментов, состоящей из перемежающихся слоев песка и суглинка.

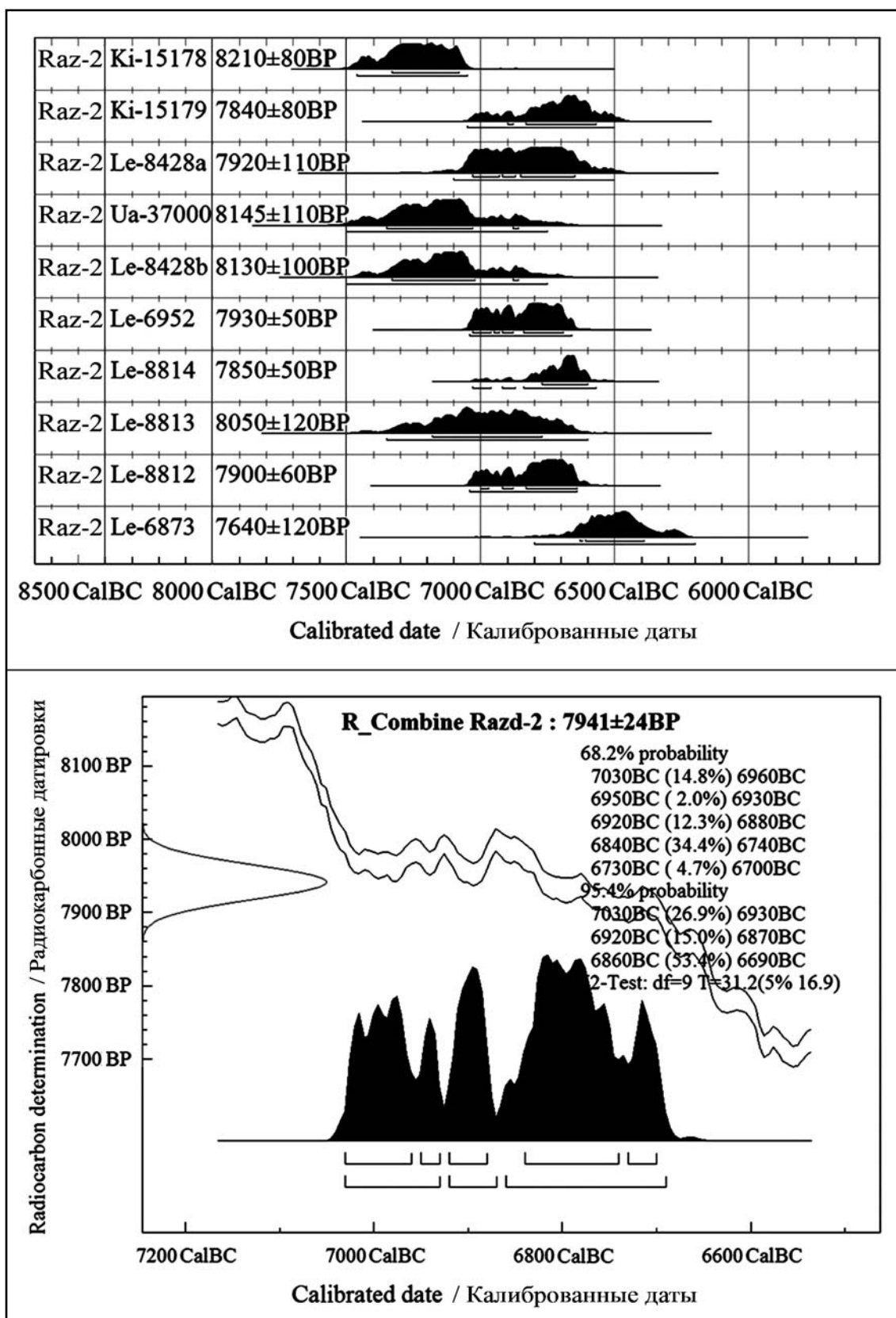
Культурные слои включают значительное количество раковин речных моллюсков, остатков терио- и ихтиофауны, угля, золы, прочих культурных отложений. Они залегают в седиментах аллювиально-делювиального характера, нижняя часть которых находится ниже современного уровня воды в реке. Это обстоятельство, а также значительные деформации, связанные, по всей видимости, с оползневыми, просадочными процессами, значительно усложнили условия археологического изучения памятника. Показательно, постседиментационное изменение угла наклона слоев в северной части поселения, лежащей у подошвы коренного берега. Наиболее полная и ясная картина стратиграфии поселения прослежена в его западной части, удаленной от реки (рис. 3: 4). Часть поселения, прилегающая к урезу воды в реке, менее выражена. Здесь не было компактных скоплений находок, а тонкая горизонтальная слоистость волнообразной формы, иловатые прослои, перемежаемые с песчаными, передают аллювиальный характер отложений.

Всего имеется 13 радиоуглеродных определений, выполненных в нескольких лабораториях для различных уровней свиты культурных напластований (рис. 4). Больше всего датировок получено для средней части свиты, изобилующей углистыми просло-

ями. Несколько дат получено для нижних слоев, а верх пачки датировать пока не удалось. Наиболее вероятное время возникновения памятника в пределах последней четверти VIII — первой четверти VII тыс. до н.э.. П. М. Долуханов считал возможным этот интервал даже сузить до 7200—7000 лет до н.э. (Aleksandrovsky et al. 2009: 96).

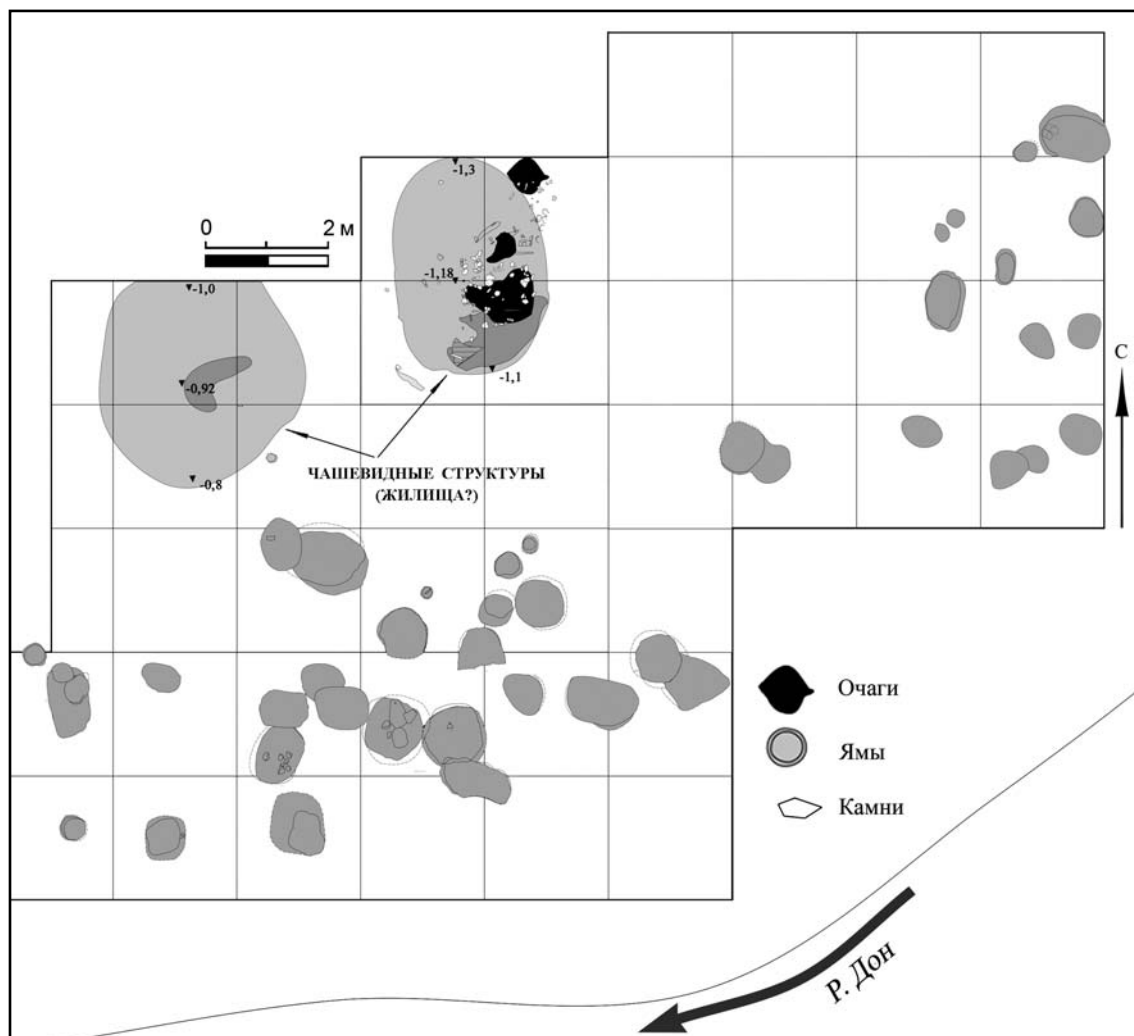
При всей сложности стратиграфии памятника, удалось проследить функциональные зоны поселения, которые преемственно сохранялись на протяжении всей его истории. Так, на большем удалении от реки и ближе к подошве крутого склона, прослежены две чашевидные структуры, максимально насыщенные продуктами горения (рис. 5). Можно предположить, что это котлованы жилых сооружений. В них суглинистая поверхность пола маркировалась подсыпкой из раковин и следами обжига. Отмечены редкие столбовые ямки с остатками древесины в заполнении. В одном котловане прослежены очажные зоны. Они имели вид углисто-золистых масс с четкими границами, сопровождалась находками камней. Скопления камней в одном из предполагаемых жилищ, по-видимому, связаны с остатками разрушенных очагов. В ряде случаев остатки рыб образовывали значительные по мощности скопления, в которых были встречены рыбы скелеты в анатомическом порядке. Порой в таких скоплениях доминируют отдельные части рыб (плавники), что позволяет предположить наличие определенных мест по переработке улова. В прибрежной части поселения обнаружены около 50 ям (рис. 5). Они располагались полосой, возле уреза воды в реке, нередко прорезая друг друга. Ямы имели разные размеры: в диаметре 0,25—1,5 м, глубиной от 0,25 м до 1,2 м. Наиболее типичны ямы с подбоем с одной стороны или по окружности, диаметром 0,7 м и глубиной 1,2 м. Частыми находками в ямах были остатки рыб и раковины, каменные грузила и тяжелые камни, выступавшие, возможно, в роли якоря.

Хотя исследования поселения еще не завершены, количество находок, обнаруженных здесь, весьма внушительно. Всего выявлено около 53 000 артефактов, включая свыше 40 300 изделий из кремня, 10 700 из мягких пород камня, главным образом аргиллита и песчаника, включая 2000 законченных изделий, а также 1600 изделий из кости, 100 из керамики, 20 из створок моллюсков. В значительной коллекции костей животных и рыб, которая была частично определена Н. Бенеке, им были выявлены кости собаки, сайги, благородного

Рис. 4. Поселение Раздорская 2. Таблица и график радиоуглеродных датировок с калиброванными значениями (данные по Цыбрий 2008: 92; 2010: 56; Aleksandrovsky et al. 2009: Table 4, 5).

Fig. 4. Settlement Razdorskaya 2: Radiocarbon dates with calibration and the scheme of frequencies of radiocarbon dates (data after Цыбрий 2008: 92; 2010: 56; Aleksandrovsky et al. 2009: Table 4, 5).

Рис. 5. Поселение Раздорская 2. Общий план раскопанной площади с основными объектами (по Цыбрий 2010: рис. 15).

Fig. 5. Settlement Razdorskaya 2: a general plan of the main features (after Цыбрий 2010: рис. 15).

оленя, косули, быка/зубра, лошади, свиньи, лисы, волка, куньих, бобра, черепахи, осетровых, карповых, сома, судака и щуки. За исключением собаки, по мнению автора определений, ни одна из костей животных не имела однозначных отчетливых следов морфологических изменений, связанных с domestикацией (Горелик и др. 2013, в печати).

Анализ каменной индустрии неолитического поселения Раздорская 2 показал, что она незначительно отличается от соответствующих материалов ранних неолитических слоев Ракушечного Яра и по ряду существенных признаков сходна с комплексами, удаленных от них на 150 км ранне-неолитических поселений Матвеев Курган 1 и 2 (Цыбрий 2008: 57; Цыбрий и др. 2013). Раздорскую 2, с учетом датировки 7,2—7 тыс. лет до н.э., можно рассматривать в качестве древнейшей ступени в развитии ракушечноярского культурно-

го феномена, еще не знакомой с производством глиняной посуды (Aleksandrovsky et. al. 2009: 89—98). Каменный инвентарь поселений Матвеев Курган 1 и 2 изготовлен с использованием традиций одного из ответвлений этого своеобразного культурного явления. Очень важными дополнительными индикаторами культурной близости указанных памятников являются приуроченность их к одной экологической нише (долинам рек бассейна Азовского моря) и эксплуатация сходного набора источников сырья. Показательно использование почти одинаковой хозяйственной стратегии, в которой, даже при наличии элементов производящей экономики, роль ее присваивающих форм, особенно, рыболовства, речного собирательства, охоты, оставалась решающей (Горелик и др. 2013, в печати).

Рассматриваемые поселения, с одной стороны, демонстрируют многие общие чер-

№2. 2014

ты неолитического культурного феномена, с другой, выявляют его особенности, что может находить объяснение в их разновременности. Уже в материалах наиболее раннего поселения Раздорская 2 представлены такие черты «неолитического пакета», как отжимная технология получения правильных пластин, использование глины в качестве строительного и поделочного материала, богатейшая индустрия изделий из мягкого камня, с широким применением шлифования и сверления, наличие категории изделий символического значения, мало характерных для местного мезолита. В материалах последующей — матвеевокурганской, ступени раннего неолита Нижнего Подонья присутствуют существенные новшества — появление domesticiрованной фауны, первой глиняной посуды, сосудов из камня, антропоморфной глиняной пластики. Продолжается использование глины в качестве строительного материала. Неолитические слои Ракушечного Яра обращают на себя внимание появлением настоящей глиняной посуды, зачастую с орнаментацией.

Менее археологически выражен, но достаточно заметен, другой аспект неолитического образа жизни: усложнение, по сравнению с мезолитом и многими соседними мезо-неолитическими культурами — донецкой, платовоставской (рис. 1), социальной организации. С нашей точки зрения, это проявилось в сохранении на протяжении многих столетий мало изменяемого уклада жизни, с ритмическим повторением одного и того же хозяйственного цикла, с контролем и использованием одних и тех же территорий. Свидетельством тому стал феномен многослойных поселений (своего рода нижнедонских «теллей») таких как Ракушечный Яр, Раздорская 2, Раздорская 1 и др., сосредоточенных на ограниченном отрезке течения Нижнего Дона, с их функционально своеобразным характером (Горелик и др. 2013).

В поисках источников импульса неолитизации

Отсутствие на территории юга Восточной Европы большинства природных предпосылок, необходимых для процесса доместикизации, вынуждает нас искать его источники на других территориях. Можно предположить, что передача доместикатов, зафиксированных на Нижнем Дону на рубеже VII—VI тыс. до н.э. (cal. BC), могла сопровождаться другими элементами «неолитического пакета». Поскольку наиболее реальными путями передачи импульсов неолитизации из Передней

Азии считаются Балканы, с одной стороны, а с другой, Кавказ, рассмотрим обоснованность каждой из этих точек зрения.

По мнению сторонников концепции формирования неолита Нижнего Подонья под влиянием гребенниковской мезолитической культуры (Крижевская 1992: 115), а также импульсов со стороны балканского неолита (Зализняк, Панченко 2007: 7), в пользу этой версии говорит сходство техники расщепления кремня, типологии геометрических микролитов, а также адекватное этой концепции хронологическое соотношение рассматриваемых культурных явлений. Нам представляется, что черты сходства наборов трапеций из Гребенников и ранних памятников буго-днестровской культуры, с одной стороны, и ранне-неолитических комплексов Нижнего Подонья, с другой, имеют самый общий характер. Лишь несколько высоких трапеций с отчетливой асимметрией в инвентаре матвеевокурганских поселений могут более или менее определенно указывать на возможные взаимосвязи с каменными индустриями Северо-Западного Причерноморья (Wechler 2001: 238). Это культуры, противоположные по своей экономической модели (с одной стороны, мобильные степные охотники, с другой, оседлые рыболовы с вспомогательной ролью охоты), использующие во многом разные технологии обработки кремня. В Гребенниках (Мирном) индустрия нацелена на производство, помимо среднешироких пластинок, микролитических вкладышей для оснащения костяных пазовых наконечников (Нужный 1992: 113). Трапеции здесь изготовлены иногда с помощью микрорезцово-техники (Нужный 1992: 82). В раннем неолите Нижнего Дона микрорезцовая техника не известна, микропластинки с притупленным краем, а также пазовые костяные наконечники отсутствуют; в качестве универсального орудия и заготовки использовалась среднеширокая пластина, а для охоты, помимо стрел с наконечниками из геометрических микролитов, использовались остроги из рога и кости, а также костяные наконечники веретенообразной формы. Гребенниковская культура была не знакома с индустрией сланца (аргиллита), игравшего в неолите Нижнего Дона такую заметную роль. С учетом того, что самые ранние ступени нижнедонского неолита датированы концом VIII тыс. до н.э. (cal. BC), а появление неолитических поселений с аграрной экономикой на Балканах относится лишь ко второй половине VII тыс. до н.э. (Krauß 2011: 121—122), трансляция начальных импульсов неолитизации с Балкан в Нижнее Подонье представляется невозможной. По-видимому, влияние

других центров ранней неолитизации для этого региона было более существенным.

Мы обратили внимание на то, что ранний неолит Нижнего Дона, который во многих отношениях мало чем принципиально отличается от более или менее синхронных культур юга Восточной Европы (Телегин 1981: 17), отмечен некоторыми чертами, которые выделяют его из круга неолита Восточноевропейского региона и сближают с памятниками Кавказа и Передней Азии. Остановимся на характеристике этих черт.

Использование глины до производства керамической посуды

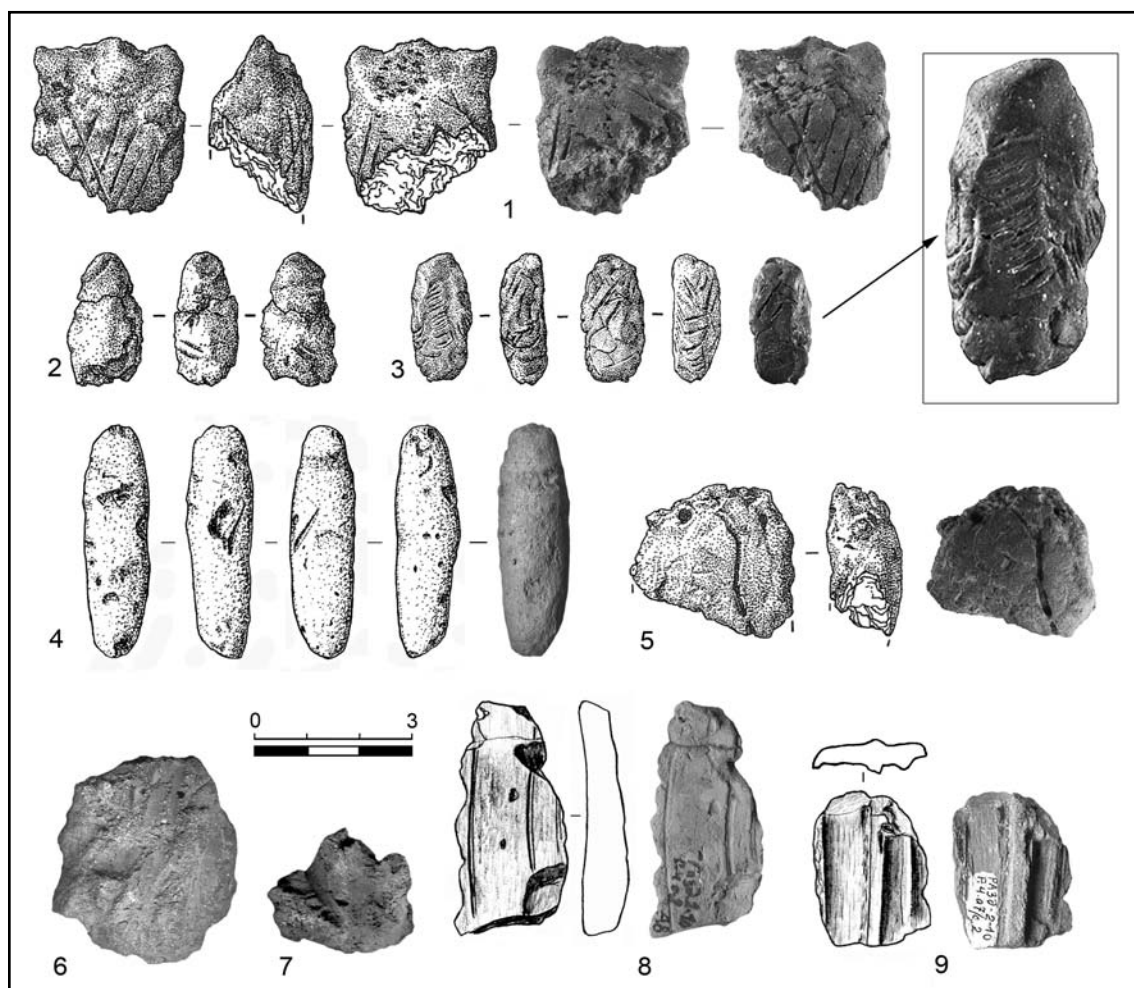
В многочисленных материалах самого раннего неолитического поселения Нижнего Дона, Раздорская 2, керамическая посуда отсутствовала. Вопрос о том, изготавливали ли глиняную посуду обитатели поселений Матвеев Курган 1 и 2, нуждается в дополнительном изучении. Настораживает, что на матвеево-курганских памятниках фрагменты керамики были неорнаментированы, отсутствовали наиболее диагностичные части сосудов — венчики, донца (Крижевская 1992: 85, 86). Вместе с тем, в Раздорской 2, как и в матвеево-курганских поселениях, глина находила широкое применение. Сохранились фрагменты обмазки с отпечатками прутьев (рис. 6: 6—9), глина использовалась для обмазки полов, устьев очагов. Поделки из глины, обнаруженные в Раздорской 2 (рис. 6: 1—5), говорят об органичности присутствия глиняной пластики в ранне-неолитических материалах Нижнего Подонья. Рассмотрим несколько наиболее ярких образцов, демонстрирующих это явление. Заслуживает внимания изделие из плохо обожженной глины, продолговатой формы, орнаментированное с двух сторон прочерченными геометрическими композициями в виде заштрихованных треугольных фестонов, дополненными, с одной стороны, спускающейся посередине дорожкой из густо посаженных наковалок треугольной формы (рис. 6: 1). Можно высказывать разные мнения по поводу семантики этого изображения. Ее прочтению отчасти мешает позднее повреждение, косо срезающее один из концов. Возможно, что сохранившаяся, линзовидная в профиле, часть оконечности этого изделия с поперечным контуром в виде четырехчастного разно-великого зигзага передает очертание головы животного (из семейства кошачьих?) с выступающими заостренными ушками и легкой выпуклостью макушки.

Еще одна поделка из обожженной глины с орнаментацией имеет размеры $2,5 \times 1,2 \times 0,8$ см, подпрямоугольную форму, скругленные концы, уплощена в сечении (рис. 6: 3). С одной стороны эта фигурка испещрена многочисленными, параллельно расположенными короткими скобковидными рисками, скомпонованными в «дорожку», пересекающую изделие по диагонали. Риски нанесены тонким острым инструментом (видимо, уголком кремневой пластины). С противоположной стороны нанесен дублированный зигзаг из параллельно прочерченных линий. Мотив лесенки, состоящей из слегка скошено прочерченных рисок, отмечен на торце изделия.

Интерес представляет керамический стержень с закругленными концами, круглый в поперечном сечении, размерами $4,4 \times 1,3 \times 1,2$ см (рис. 6: 4). Одна его оконечность несколько уже другой и фланкирована едва заметным поперечным кольцевым желобком, возможно, использованным для крепления изделия в перемычки. Поверхность поделки неровная, слабобугристая, иногда, с отпечатками пальцев. По сырой глине были нанесены четыре компактно расположенных накола.

Еще более загадочны по назначению шарики из плохо обожженной глины. Известно около 50 таких керамических шариков, которые изготовлены с разной степенью тщательности и варьируют по размерам (рис. 7). Имеются образцы с заглаженной поверхностью правильной сферической формы, а также изделия с разной степенью отклонения от нее. Большинство из них имеет в поперечнике $1,1—1,4$ см, наиболее крупные достигают $2,2$ см, наиболее мелкие менее 1 см. На восьми шариках отмечены ногтевидные вдавления, отиски, вероятно, нанесенные тонким прутиком, а также бороздки (рис. 7: 4, 7, 9—11, 17), которые очень похожи на бороздки на глиняных шариках из переднеазиатского неолитического поселения Джармо (Braidwood et al. 1983: fig. 169: 1—3, 6—8). В литературе высказаны различные мнения об использовании этих изделий. Одни авторы полагают, что они применялись для удобства счета (Schmand-Besserat 1992: 195), другие считают возможным их применение для оснащения пращи или использование в качестве игрушки (Morales 1983: 389), также было высказано мнение о хотя бы частичном использовании шариков в качестве мобильных подставок для сосудов, разогреваемых на костре (Hamilton 1996: 232).

Помимо шариков, в культурном слое были обнаружены глиняные «лепешечки» (4 экз.),

Рис. 6. Поселение Раздорская 2: 1—5 — поделки из глины; 6—9 — фрагменты обмазки (по Цыбрий 2010: рис. 36).

Fig. 6. Settlement Razdorskaya 2: 1—5 — clay plastic; 6—9 — clay plasters fragments (after Цыбрий 2010: рис. 36).

не имеющие устойчивой формы, с грубой, неровной, иногда растрескавшейся поверхностью (рис. 6: 5). На двух экземплярах встречены налеты подтреугольной формы. Их тесто рыхлое, комковатое, иногда со следами выгоревшей травы.

Характер использования глины, отмеченный на поселениях раннего неолита в Нижнем Подонье, не имеет аналогий в неолите юга Восточной Европы. Лишь отдельные его элементы были установлены при изучении неолитических памятников Кавказа. Например, с ранненеолитических поселений Западного Кавказа — Анасеули 1, Хорши, Чхортоли, происходят фрагменты глиняной обмазки, которая применялась в жилых конструкциях с использованием плетней (wattle and daub) (Кушнарева 1993: 25). Симптоматично отсутствие керамической посуды на указанных поселениях. При всем региональном и культурном многообразии кавказского неолита, существенной его чертой является отсутствие

в материалах наиболее ранних поселений следов керамического производства (Небиеридзе 1972: 110; Гогитидзе 1978: 130; Бжания 1996: 75; Кушнарева 1993: 26; Kiguradze, Menabde 2004: 349—350). Глиняная антропоморфная и зооморфная пластика появляется на Кавказе в VI тыс. до н.э., позднее, чем на Нижнем Дону. Довольно разнообразный набор антропоморфных и зооморфных статуэток из глины отмечен в материалах культуры Шулавери-Шомутепе, для ранних ступеней которой керамическое производство не было характерным (Kiguradze, Menabde 2004: 360; Agimura et al. 2010: 81). Однако, в женской глиняной пластике этой культуры имеется мало сходных черт с женскими статуэтками из Матвеева Кургана.

Если на Кавказе отмечены лишь отдельные элементы керамического комплекса раннего нижнедонского неолита, то в неолите Передней Азии эти черты представлены в полном наборе. В период докерамического неолита

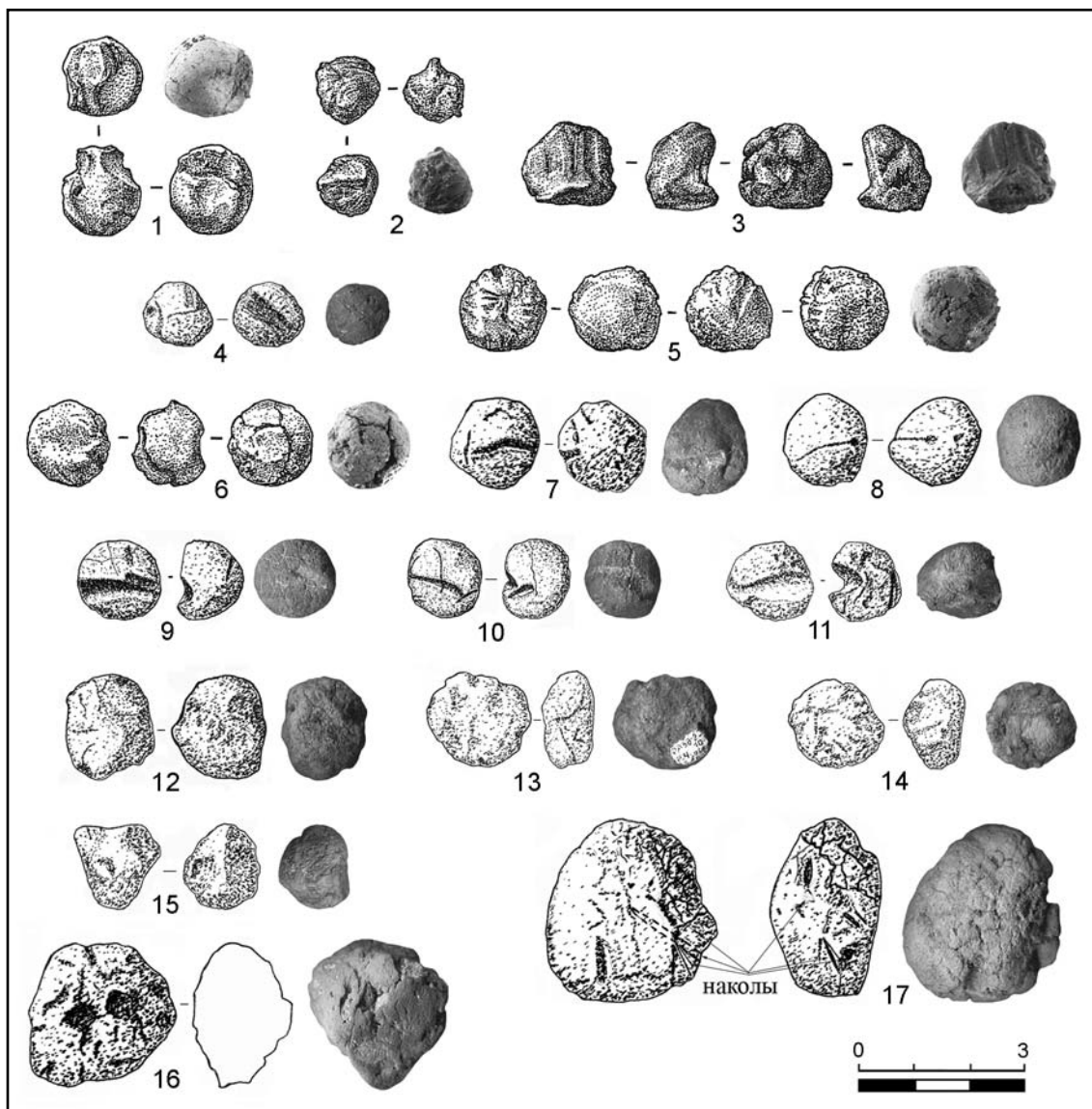

Рис. 7. Поселение Раздорская 2: 1—17 — шарики из глины (по Цыбрий 2010: рис. 37).

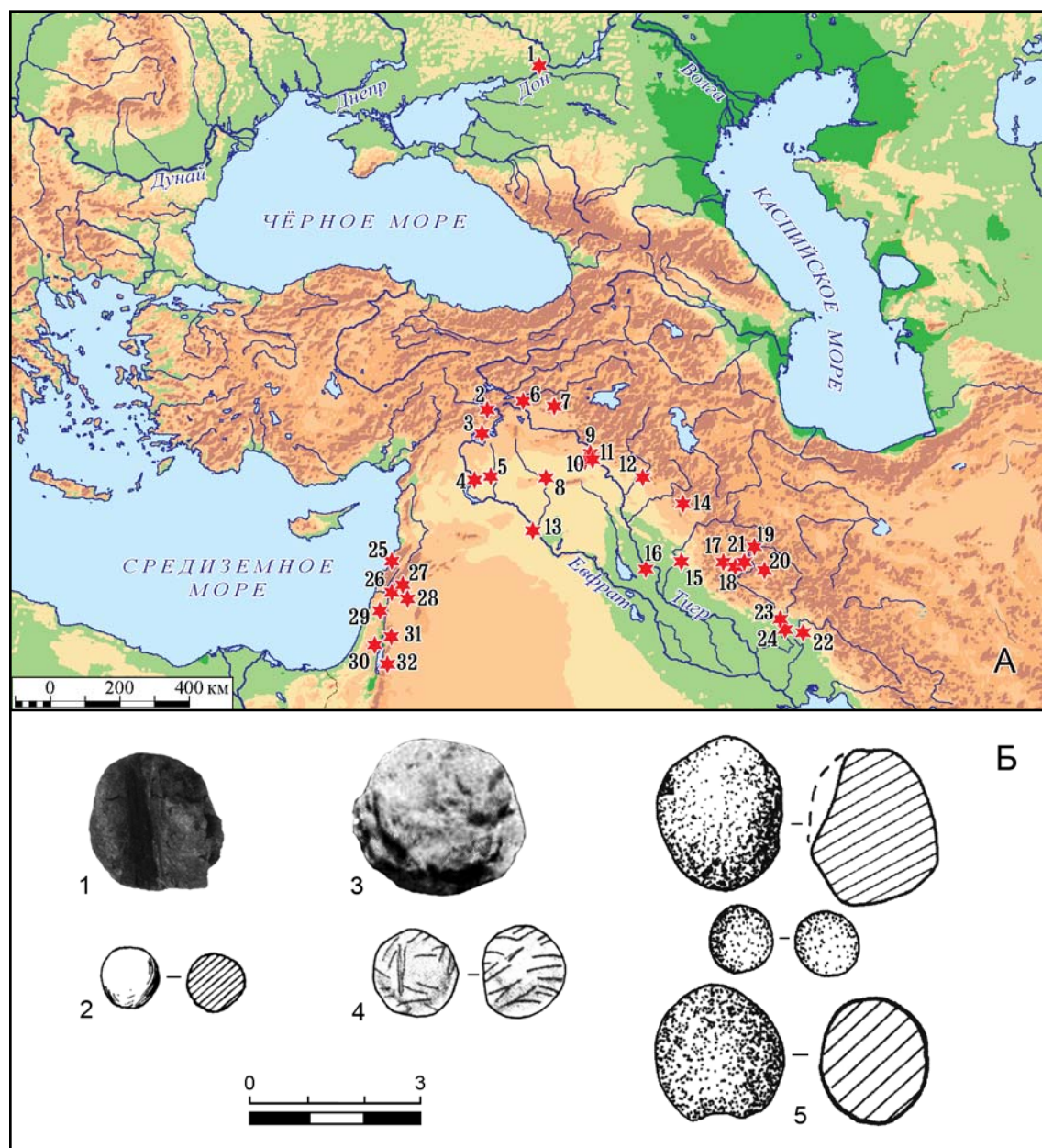
Fig. 7. Settlement Razdorskaya 2: 1—17 — clay pellets (after Цыбрий 2010: рис. 37).

та (PPNA и PPNB) в различных регионах Переднеазиатского неолита — на территории Загроса, Леванта, в Анатолии, Месопотамии, Иране — в инвентаре поселений появляются изготовленные из глины антропоморфные и зооморфные статуэтки, мелкие поделки геометрической формы, фрагменты обмазки и т. п. (Kozłowski, Aurenche 2005: 27—31; Thissen 2007: 218—219). Согласно С. Козловскому и О. Ауранче, которые картографировали эти артефакты для различных периодов неолита (рис. 8), в докерамическом неолите Загроса, в особенности, наблюдается необъяснимая концентрация статуэток и шариков (Kozłowski, Aurenche 2005: 27, 30—31).

Использование мягких пород камня

Ни в одной из неолитических культур Юга Восточной Европы, за исключением сурской культуры в бассейне Нижнего Днепра (Даниленко 1969; Wechler 2001), мягкие породы камня (аргиллит, тальк, хлорит, песчаник) не играли такой существенной роли, как в рассматриваемой группе раннеолитических поселений Нижнего Подонья. Преимущественно из аргиллита были изготовлены топоры, тесла, долота (стамески), грузила, утюжки, подвески и многое другое (рис. 9). Особенно богатый и разнообразный набор этих форм, сопровождавшийся отходами соответствующими

№2. 2014

Рис. 8. Распространение неолитических памятников с находками глиняных шариков (данные по Kozłowski, Aurenche 2005).

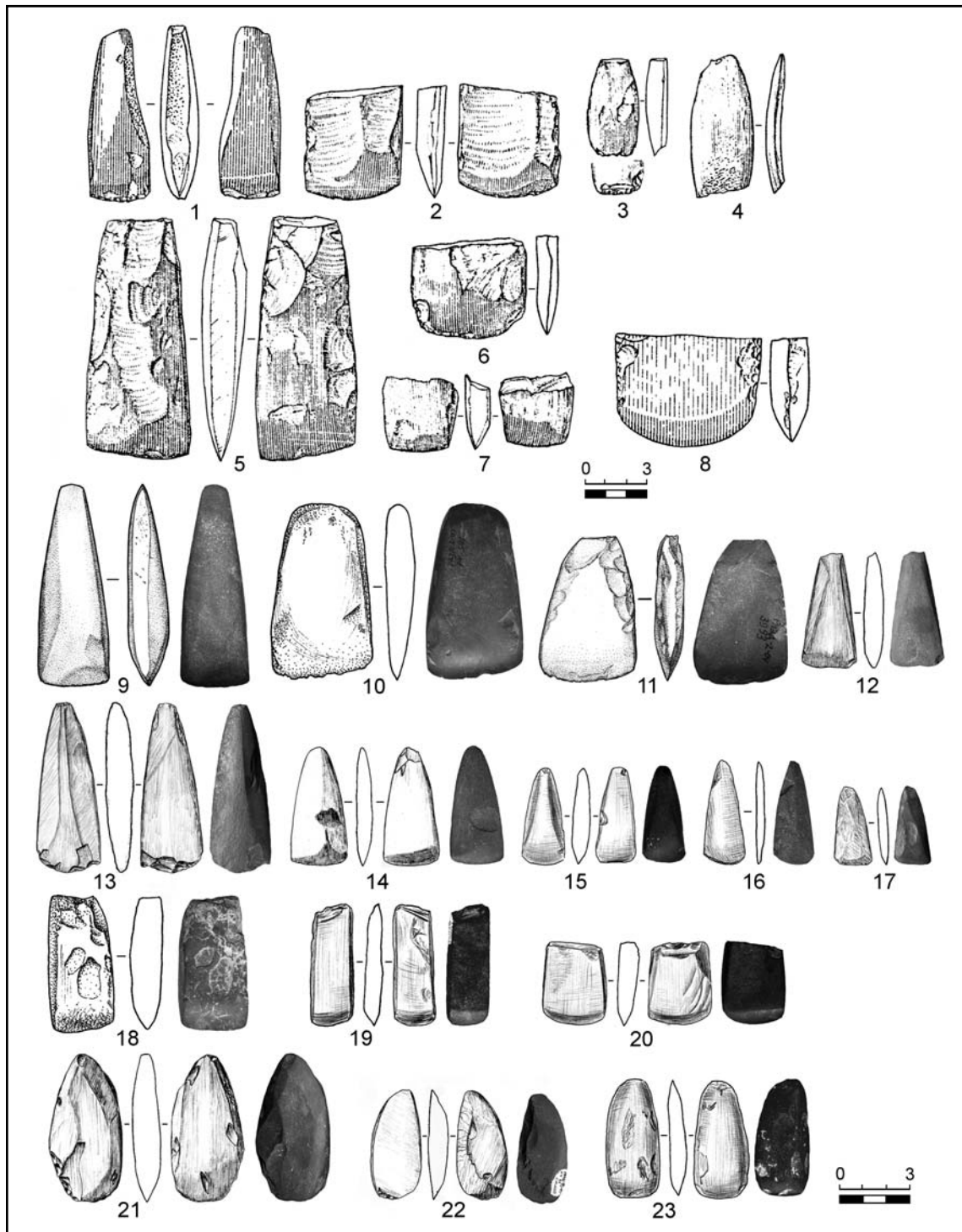
Карта (А): 1 — Раздорская 2; 2 — Кафер; 3 — Гритилле; 4 — Лерф-эль-Ахмар; 5 — Саби-Абьяд I, II; 6 — Чайёню; 7 — Сумани-Хёюк; 8 — Кашкашок; 9 — Немрик; 10 — Мазгалия; 11 — Талатат; 12 — Млефаат; 13 — Букрас; 14 — Джармо; 15 — Сонгор А; 16 — Савван; 17 — Сараб; 18 — Асиаб; 19 — Сех-Габи; 20 — Гандж-Дарех; 21 — Абдул-Хоссейн; 22 — Туладж; 23 — Чога-Сефид; 24 — Али-Кош; 25 — Библ; 26 — Рамад; 27 — Горайфе; 28 — Асвад; 29 — Мунхата; 30 — Иерихон; 31 — Айн-Газай; 32 — Эс-Сиффия.

Рисунки (Б): 1 — Сумани-Хёюк (Erim-Özdoğan 2011); 2 — Млефаат (Kozłowski, Aurenche 2005); 3 — Магзалия (Бадер 1989); 4 — Джармо (Kozłowski, Aurenche 2005); 5 — Немрик (Kozłowski, Aurenche 2005).

Fig. 8. The distribution of the main Neolithic sites with clay pellets tokens (data after Kozłowski, Aurenche 2005).

Map (A): 1 — Razdorskaya 2; 2 — Cafer; 3 — Gritille; 4 — Lerf el Ahmar; 5 — Sabi Abyad I, II; 6 — Çayönü; 7 — Sumaki Höyük; 8 — Kashkashok; 9 — Nemrik; 10 — Mazgalia; 11 — Thalathat; 12 — M'lefaat; 13 — Buqras; 14 — Jarmo; 15 — Songor A; 16 — Sawwan; 17 — Sarab; 18 — Asiab; 19 — Seh Gabi; 20 — Ganj Dareh; 21 — Abdul Hossein; 22 — Tula'j; 23 — Choga Sefid; 24 — Ali Kosh; 25 — Byblos; 26 — Ramad; 27 — Ghoraife; 28 — Aswad; 29 — Munhata; 30 — Jericho; 31 — Ain Ghazai; 32 — Es-Siffiyah.

Drawings (B): 1 — Sumaki Höyük (Erim-Özdoğan 2011); 2 — M'lefaat (Kozłowski, Aurenche 2005); 3 — Magzalia (Бадер 1989); 4 — Jarmo (Kozłowski, Aurenche 2005); 5 — Nemrik (Kozłowski, Aurenche 2005).

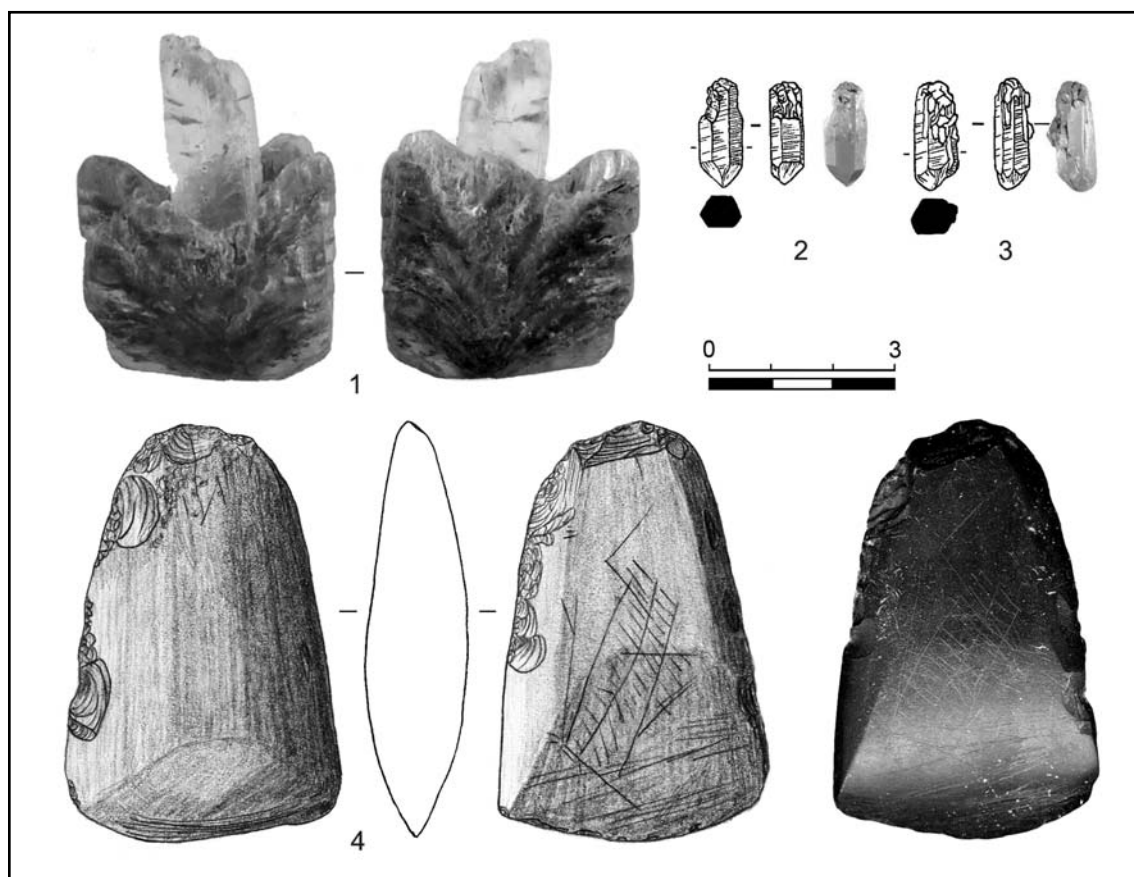

Рис. 9. Тесла и топоры из мягкого камня: 1—8 — поселения Матвеев Курган; 9—23 — Раздорская 2 (1—8 — по Крижевская 1991: рис. 28; 9—23 — по Цыбрий 2010: рис. 28).

Fig. 9. Ground stone axes and adzes: 1—8 — settlements near Matveev Kurgan; 9—23 — Razdorskaya 2 (1—8 — after Крижевская 1991: рис. 28; 9—23 — after Цыбрий 2010: рис. 28).

ющего производства, представлен в материалах поселения Раздорская 2 (Цыбрий 2008: 30—31, рис. 44, 45). Мы склонны думать, что выбор аргиллита, наряду с кремнем, был продиктован, не только наличием доступных видов каменного сырья вблизи поселе-

ний, но и определенной культурной традицией. Иначе трудно объяснить присутствие в бассейне Нижнего Дона памятников других неолитических культур (днепровской, плетовоставской), где каменным сырьем служил, почти исключительно, кремль или кварцит

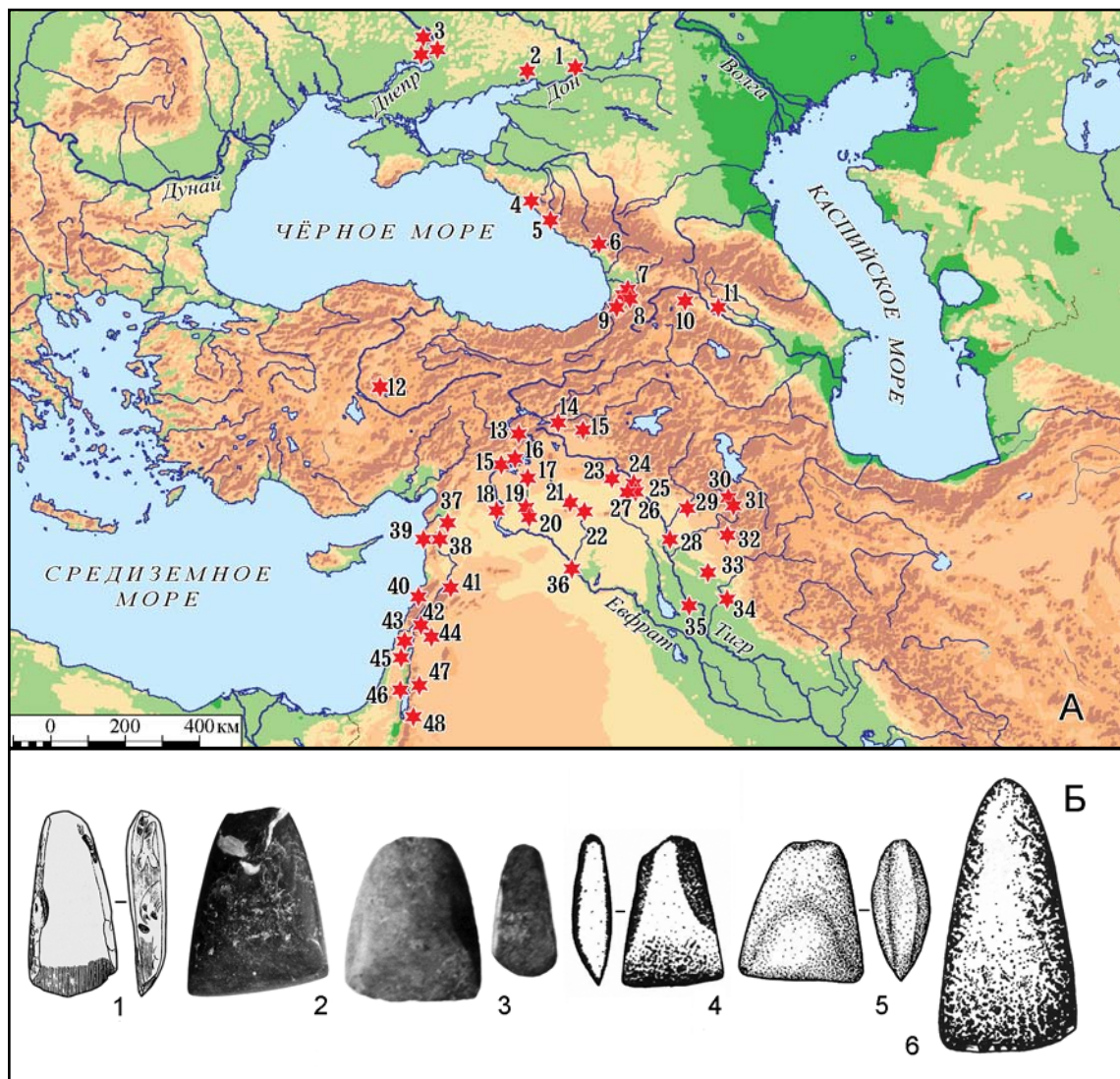
Рис. 10. Поселение Раздорская 2: 1 — топорик из друзы глинистого сланца; 2, 3 — подвески из горного хрусталя; 4 — граффити на топорике (по Цыбрий 2010: рис. 38, 39).

Fig. 10. Settlement Razdorskaya 2: 1 — small axe made of schist with a rock crystal; 2, 3 — pendants made of rock crystal; 4 — graffiti on the axe (after Цыбрий 2010: рис. 38, 39).

(Цыбрий, Цыбрий 2003: 281—298; Цыбрий 2008: 17—19, 36—39). Использование аргиллита, главным образом, для производства полированных топоров, тесел, долот и стамесок, было отмечено во многих неолитических памятниках Кавказа. Показательно присутствие этих орудий в ограниченном количестве (до 8 экз.) в материалах акерамических стоянок Причерноморской части Кавказа — Анасеули 1, Хорши и Хуынипшахва, а также поселений неолита с керамикой — Нижняя Шиловка, Одиши, Кистрик, Гурианта, Мамати, Махвилаури и Анасеули 2 (Небиеридзе 1972; Гогитидзе 1978; Формозов 1962; Бжания 1996). Вместе с тем, памятники Кавказа не могут сравниться ни по количеству (в Раздорской 2439 изделий, в Матвеевом Кургане — 31), ни по разнообразию типов топоров, тесел, долот (стамесок), с рассматриваемыми неолитическими комплексами Нижнего Дона (рис. 9). Выше мы уже отмечали символический статус полированного топора в поселениях Матвеева Кургана. В Раздорской 2, также имеются предметы, указывающие

на символическое значение тесла-топора. Так, совершенно уникальна небольшая подвеска плоской, пришлифованной по лезвию с двух сторон топовидной формы (рис. 10: 1). Она изготовлена из друзы глинистого сланца с выросшим из нее крупным кристаллом горного хрусталя. Последний мог символизировать рукоять орудия. Сравнительно высокое статусное значение кристаллов горного хрусталя у жителей поселения подчеркивается наличием подвесок-украшений, из кристаллов значительно меньшей величины (рис. 10: 2, 3). На некоторых топорах были нанесены граффити (рис. 10: 4), что служит индикатором их особой роли, потому что на прочих изделиях из аргиллита граффити были чрезвычайно редки.

Сопоставимое с ранним неолитом Нижнего Подонья широкое использование типологически разнообразных рубяще-долбящих изделий, выполненных из мягких пород камня, мы находим в докерамическом и керамическом неолите Ближнего Востока (рис. 11). Плоские, подпрямоугольные в поперечном

Рис. 11. Распространение неолитических памятников с большим количеством топоров/тесел из мягких пород камня (данные по Kozłowski, Aurenche 2005).

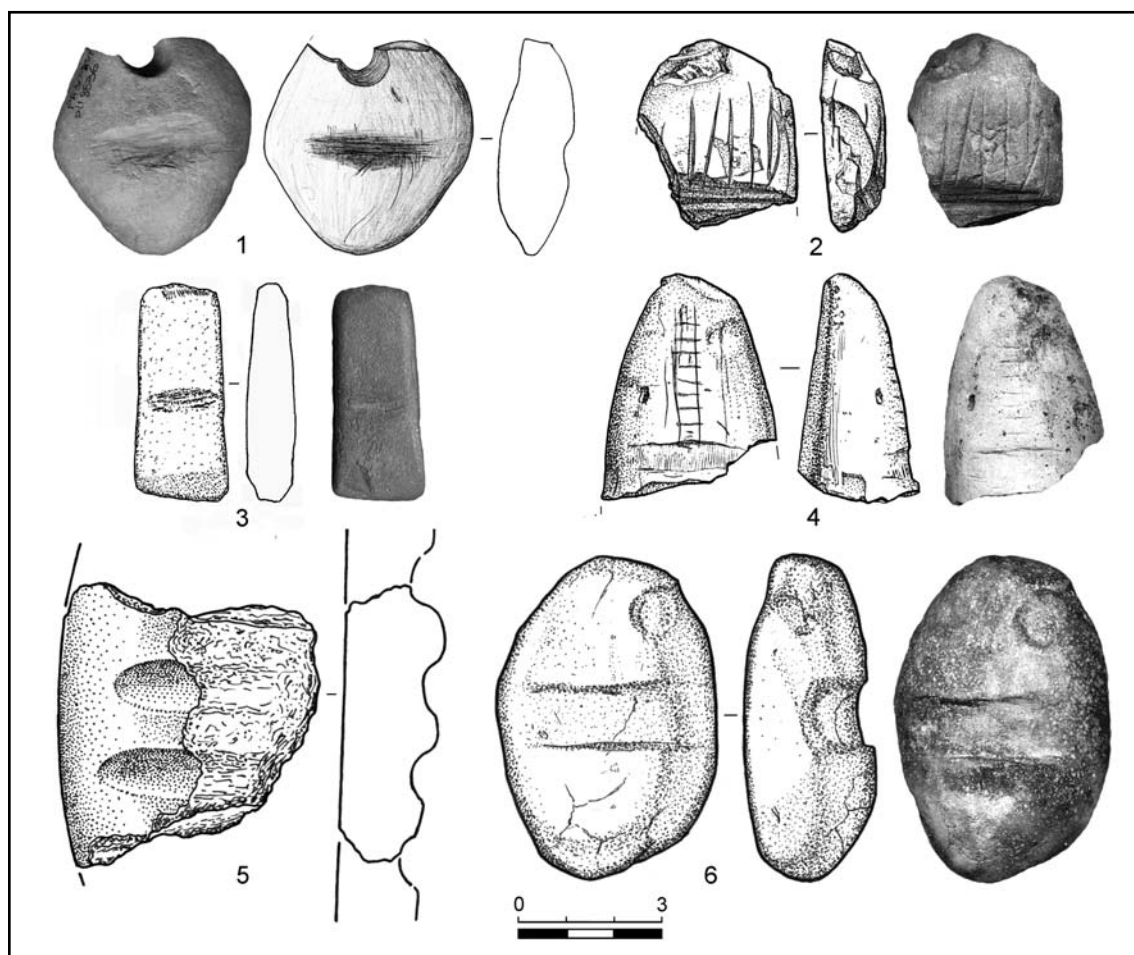
Карта (А): 1 — Ракушечный Яр, Раздорская 2; 2 — Матвеев Курган; 3 — памятники сурской культуры; 4 — Новая Шиловка; 5 — Кистрик; 6 — Одиши; 7 — Мамати; 8 — Анасеули 1, 2; 9 — Михвилаури; 10 — Шулаверисгора; 11 — Шомутепе; 12 — Ашикли; 12 — Кафер; 13 — Чайёню; 14 — Сумаки-Хоюк; 15 — Левзин; 16 — Неваличори; 17 — Гёбекли-Тепе; 18 — Халула; 19 — Саб-Абьяд I, II; 20 — Ассуд; 21 — Фейда; 22 — Кашкашок; 23 — Чагар-Базар; 24 — Немрик; 25 — Кул; 26 — Сотто; 27 — Магзалия; 28 — Хассуна; 29 — Млефаат; 30 — Банахилк; 31 — Зави Чеми Шанидар; 32 — Джармо; 33 — Матарра; 34 — Сонгор А; 35 — Савван; 36 — Буграс; 37 — Джудайда; 38 — Керх; 39 — Рас-Шамра; 40 — Библ; 41 — Лабуэ; 42 — Рамад; 43 — Бейсамун; 44 — Асвад; 45 — Мунхата; 46 — Иерихон; 47 — Эль-Хиа; 48 — Эс-Сиффия.

Рисунки (Б): 1 — Анасеули (Небиеридзе 1972); 2 — Гёбекли-Тепе (Lichter 2007, Kat. N178); 3 — Чайёню (Erim-Özdoğan 2011); 4 — Букрас (Kozłowski, Aurenche 2005); 5 — Джармо (Braidwood et al. 1983); 6 — Немрик (Mazurowski 1997).

Fig. 11. The distribution of the main Neolithic sites with many ground stone celts and adzes in collection (data after Kozłowski, Aurenche 2005).

Map (A): 1 — Rakushechnyi Yar, Razdorskaia 2; 2 — Matveev Kurgan; 3 — settlements of Surskaya culture; 4 — Novaya Shilovka; 5 — Kistrik; 6 — Odishi; 7 — Mamati; 8 — Anaseuli 1, 2; 9 — Mihwilauri; 10 — Shulaverisgora; 11 — Shomutepe; 12 — Aşikli; 12 — Cafer; 13 — Çayönü; 14 — Sumaki Höyük; 15 — Levzin; 16 — Nevali Çori; 17 — Göbekli Tepe; 18 — Halula; 19 — Sabi Abyad I, II; 20 — Assouad; 21 — Feyda; 22 — Kashkashok; 23 — Chagar Bazar; 24 — Nemrik; 25 — Kul; 26 — Sotto; 27 — Magzalia; 28 — Hassuna; 29 — M'lefaat; 30 — Banahilk; 31 — Zawi Chemi Shanidar; 32 — Jarmo; 33 — Matarrah; 34 — Songor A; 35 — Sawwan; 36 — Buqras; 37 — Judaidah; 38 — Kerkh; 39 — Ras Shamra; 40 — Byblos; 41 — Labweh; 42 — Ramad; 43 — Beisamun; 44 — Aswad; 45 — Munhata; 46 — Jericho; 47 — El-Khiam; 48 — Es-Siffiyah.

Drawings (B): 1 — Anaseuli (Небиеридзе 1972); 2 — Göbekli Tepe (Lichter 2007, Kat. N178); 3 — Çayönü (Erim-Özdoğan 2011); 4 — Buqras (Kozłowski, Aurenche 2005); 5 — Jarmo (Braidwood et al. 1983); 6 — Nemrik (Mazurowski 1997).

Рис. 12. Поселение Раздорская 2: 1—6 — каменные утюжки (1—3 — по Цыбрий 2010: рис. 42; 4—6 — по Цыбрий 2008: рис. 49).

Fig. 12. Settlement Razdorskaya 2: 1—6 — grooved stone implements (1—3 — after Цыбрий 2010: рис. 42; 4—6 — after Цыбрий 2008: рис. 49).

сечении, подтреугольные и подтрапецевидные в плане, двустороннеполированные тесла и топорики, типичные для Нижнего Подонья, встречаются в материалах поселений докерамического неолита (PPN), а также керамического неолита Северного Ирака: Немрик, Млефаат, Джармо (Mazurowski 1997: 57—69), Юго-Восточной Анатолии — Кафер Хоюк (Cauvin et. al. 2011: Fig. 9: 1—3; 16: 7; 23: 1, 2), Невали Чори (Kozłowski, Aurenche 2005: 166), Акарчай тепе (Özbasaran, Duru 2011: fig. 40).

Еще в большей степени, нежели тесла, стамески и топорики, роль индикатора культурных связей могут выполнять т.н. утюжки (полировальники). Этому виду изделий, предназначенному, скорее всего, для выравнивания и шлифовки древков стрел, посвящена огромная литература (Solecki, Solecki 1970; Wechler 1997; Усачева 2013). Утюжки широко, но не повсеместно, были распространены в ойкумене первобытности. На территории

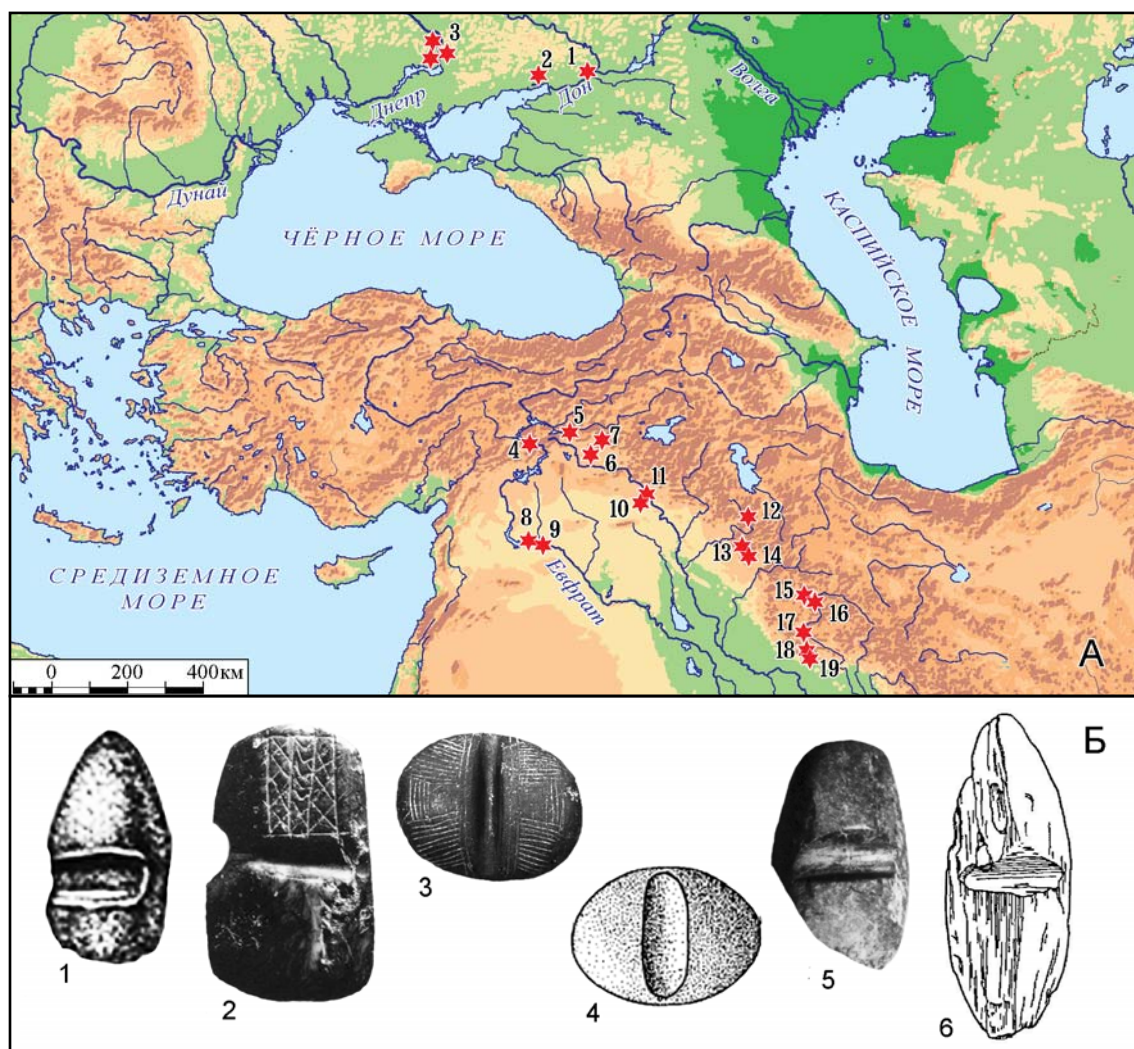
Азово-Черноморских степей они известны в отдельных памятниках мезолита, неолита и энеолита. Особенно многочисленны утюжки в низовьях Днепра, где в некоторых памятниках днепро-донецкой и сурской неолитической культур они, как правило, представлены одним-тремя экземплярами (Телегин 1968: 146—149). Исключение составила Вовнижская левобережная стоянка с 14 экз. (Гавриленко 2001). В Нижнем Подонье единичные утюжки раннеолитического времени были встречены в 10-м слое Ракушечного Яра (Белановская 1995: 138), датированном в интервале последней четверти VII — первой половины VI тыс. до н.э. (Цыбрий и др. 2013) и в 1-м слое поселения Раздорская 1 (Кияшко 1994: рис. 8, 7). 10 утюжков из культурного слоя поселения Раздорская 2 (рис. 12: 1—6) свидетельствуют не только о высокой роли охоты в функционировании этого поселения в начале неолита, но и об устойчивости тради-

ции использования этого вида изделий. На территории Азово-Черноморских степей, лишь два мезолитических памятника с утюжками, возможно, древнее Раздорской 2 — Игрень 8 (жилище 3 с датировкой 7990±70 до н.э. BLN 1797) (Телегин 2002: 51) и Каменная могила в Северо-Западном Приазовье (Даниленко 1969: 10). Как правило, эти ранние утюжки — плоские либо треугольные в поперечном сечении, овальной или остроовальной формы в плане. Они имеют один-два поперечных желобка, или вообще не орнаментированы, либо несут относительно простую орнаментацию в форме лесенки, параллельных линий или насечек по граням. Характерно, что в мезолите и в раннем неолите Крыма и Кавказа утюжки отсутствуют. Лишь один экземпляр в инвентаре раннеолитической стоянки Анасеули 1 отдаленно напоминает эту категорию изделий (Небиеридзе 1972: табл. VI: 4). Даже в развитом неолите Кавказа, в культуре Шулаверис-Шомутепе, единичные утюжки встречены лишь на нескольких памятниках: Имирис Гора, Шулаверис-Гора и Арташен (Kiguradze 1986: Abb. 18: 2; Abb. 20; 25; Arimura et al. 2010: 81).

Мир, примыкающий к Кавказским горам с юга, напротив, судя по инвентарю отдельных памятников (Чайоню, Карим-Шахир, Джармо, Джерф эл Ахмар, Кертик-тепе) изобилует этими изделиями (рис. 13), однако, начиная с протонеолита, выделяются две зоны распространения утюжков разных типов (Kozlowski, Aurenche 2005: 24; Arimura et al. 2010: fig. 6). В одной из них, преимущественно в ЮВ Анатолии и на севере Сирии, доминировали утюжки, зачастую покрытые богатым орнаментом, с желобом, параллельным продольной оси изделия (Braidwood, Braidwood 1982: 110—111; fig. 3.12—3.13; Köksal-Schmidt, Schmidt 2007: 104), в другой, расположенной в горах Загроса, на территории Северного Ирака, были типичны утюжки с поперечным желобом, подобные предметам из Раздорской 2. В материалах поселения Карим-Шахир их количество, включая фрагменты, достигало 19 экз. (Braidwood et al. 1983: 51). Впрочем, это деление не может считаться абсолютным, поскольку, например, в материалах анатолийских поселений PPNB Кафер Хоюк (поздний комплекс) и Кертик-тепе присутствовали утюжки с поперечными желобками (Cauvin et al. 2011: 12, fig. 32; Özkaya, Coşkun 2011: fig. 26), а в материалах поселений Загроса, Северного Ирака — например, в Зави-Чеми-Шанидар (Solecki, Solecki 1970: 832, fig. 1G), Немрик 9 (Mazurowski 1997: plate XXXVI: 12) — имелись отдельные утюжки с про-

дольным желобком. Мы разделяем мнение В.Н. Даниленко, К.П. Вехлера и некоторых других авторов, что сходные типы утюжков, встреченные в Северном Ираке и на юге Днепро-Донского междуречья, представляют собой свидетельство контактов между этими районами в древности (Даниленко 1969: 186; Wechler 1997: 117).

Еще одна разновидность каменного инвентаря — круглые плоские медальоны с отверстием посередине, присутствующие в инвентаре Раздорской 2 (рис. 14), известны также на целом ряде поселений Ближнего Востока, начиная с протонеолита (Зави Чеми Шанидар) (Solecki 1980: plate 8: f, n) и, особенно широко, в докерамическом неолите В и в керамическом неолите (рис. 14). Серии этих изделий известны на поселениях ЮВ Анатолии — Сумаки Хёюк (Erim-Özdoğan 2011: 32, fig. 35B), Чайоню (Davis 1982: 112, 113), Салат Ками Яни (Miyake 2011: fig. 24), а также Северного Ирака — Тель Магзалия (Бадер 1989: табл. 38: 1—8, 10—11), Тель Шимшара, Немрик 9 (Mazurowski 1997: plate XLVI: 6, 7; plate XXXV: 1, 7, 12, 15, 16) и Джармо (Moholy-Nagy 1983: 295, fig. 131: 15—17). Наиболее полную характеристику плоским круглым медальонам из камня с центрическим отверстием дал Р. Мазуровский (Mazurowski 1997: 117—119). Он привел различные гипотезы о назначении медальонов этого типа и данные экспериментального исследования возможностей применения колесиков-бегунков в сверильном устройстве. Считается, что подобные изделия могли использоваться как беговое колесико в сверильном устройстве или веретене, как украшение-подвеска, амулет, или пуговица, как печать или клеймо. В материалах Раздорской 2 можно найти данные, которые подкрепляют некоторые из указанных гипотез. Например, технический контекст каменной индустрии поселения указывает на беспрецедентное для неолита юга Восточной Европы развитие технологии сверления. Материалы поселения включают большой набор сверл, разверток разного диаметра из кремня, а также продукты сверления — огромную коллекцию грузил, подвесок и т.п. со сквозными сверленными отверстиями для крепления (рис. 15). В контексте столь широкого производства, интерпретация медальонов как беговых колесиков сверильного устройства выглядит правдоподобной. Не исключено и использование их как пряслиц в техническом комплекте веретена для прядения нитей или плетения сетей. В самом верхнем слое поселения Раздорская 2 был найден фрагмент глиняного пряслица. Возможно и использова-

Рис. 13. Памятники мезолита-неолита с утюжками в нижнем Днепро-Донском междуречье и на территории Передней Азии (данные по Kozłowski, Aurenche 2005).

Карта (А): 1 — Ракушечный Яр, Раздорская 2; 2 — Матвеев Курган; 3 — памятники сурской культуры; 4 — Кафер; 5 — Чайёню; 6 — Кёртик-тепе; 7 — Халлан-Джеми; 8 — Абу-Хурейра; 9 — Мурейбет III; 10 — Магзалия; 11 — Немрик; 12 — Зави Чеми Шанидар; 13 — Джармо; 14 — Карим Шахир; 15 — Сараб; 16 — Асиаб; 17 — Горан; 18 — Чога-Сефид; 19 — Али-Кош.

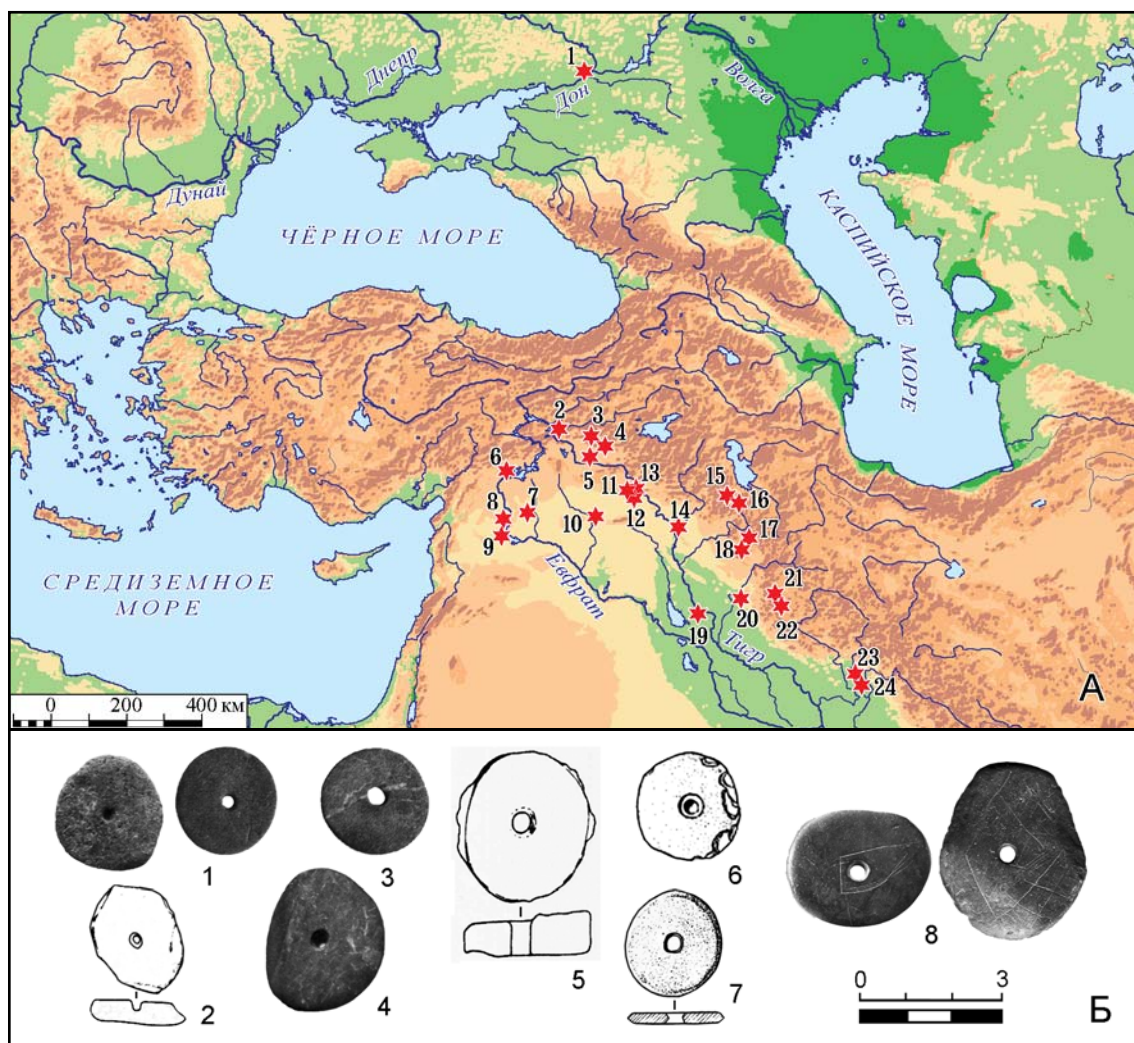
Рисунки (Б): 1 — Игрень 8 (Телегин 2002); 2 — Кафер Хёюк (Cauvin et al. 2011); 3 — Кёртик-Тепе (Özkaya, Coşkun 2011); 4 — Джармо (Braidwood et al. 1983); 5 — Зави-Чеми-Шанидар (Solecki 1980).

Fig. 13. Mesolithic-Neolithic sites with grooved stone implements in the Lower Don and in the Lower Dnieper basin and in the Middle East (data after Kozłowski, Aurenche 2005).

Map (A): 1 — Rakushechnyi Yar, Razdorskaia 2; 2 — Matveev Kurgan; 3 — settlements of Surskaya culture; 4 — Cafer; 5 — Çayönü; 6 — Körtik Tepe; 7 — Hallan Cemi; 8 — Abu Hureyra; 9 — Mureybet III; 10 — Magzalia; 11 — Nemrik; 12 — Zawi Chemi Shanidar; 13 — Jarmo; 14 — Karim Shahir; 15 — Sarab; 16 — Asiab; 17 — Goran; 18 — Choga Sefid; 19 — Ali Kosh. Drawings (B): 1 — Igreny 8 (Telegin 2002); 2 — Cafer Höyük (Cauvin et al. 2011); 3 — Körtik Tepe (Özkaya, Coşkun 2011); 4 — Jarmo (Braidwood et al. 1983); 5 — Zawi Chemi Shanidar (Solecki 1980).

ние их в качестве украшения, амулета. В пользу этого говорит неправильно ромбовидная фигура, прочерченная с двух сторон вокруг отверстия одного из полностью сохранившихся медальонов (рис. 14: Б, 8). Характерно отсутствие этого вида изделий в мезолите и раннем неолите Кавказа. Только в материалах культуры Шулавери-Шомутепе (поселение Арухло 1) отмечены единичные случаи присутствия медальонов. Их малочисленность, по-

видимому, не случайна, она вытекает из определенной культурной традиции, что очевидно на фоне широкого распространения технологически сходных изделий из камня — сферических наконечников (булав), изготовленных также при помощи центрального сверления (Kiguradze 1986: Abb. 57: 2). Можно предположить, что пути распространения медальонов из Ближнего Востока в Нижнее Подонье не затрагивали большую часть Кавказских гор.

Рис. 14. Каменные медальоны из инвентаря поселения Раздорская 2 и неолитических поселений Передней Азии (данные по Kozłowski, Aurenche 2005).

Карта (А): 1 — Раздорская 2; 2 — Чайёню; 3 — Кёртик; 4 — Сумани-Хёюк; 5 — Сафат-Ками-Яни; 6 — Кумар; 7 — Сабн-Абьяд I, II; 8 — Халула; 9 — Мурейбет; 10 — Кашкашок; 11 — Магзалия; 12 — Сотто; 13 — Талатат; 14 — Хассуна; 15 — Банахил; 16 — Зави Чема Шанидар; 17 — Шимшара; 18 — Джармо; 19 — Савван; 20 — Сонгор А; 21 — Асиаб; 22 — Гуран; 23 — Чога-Сефид; 24 — Али-Кош.

Рисунки (Б): 1 — Сумани-Хёюк (Erim-Özdoğan 2011); 2 — Чайёню (Erim-Özdoğan 2011); 3 — Салат-Ками-Яни (Miyake 2011); 4 — Зави-Чема-Шанидар (Solecki 1980); 5 — Талатат (Solecki 1980); 6 — Джармо (Braidwood et al. 1983); 7 — Шимшара (Kozłowski, Aurenche 2005); 8 — Раздорская 2.

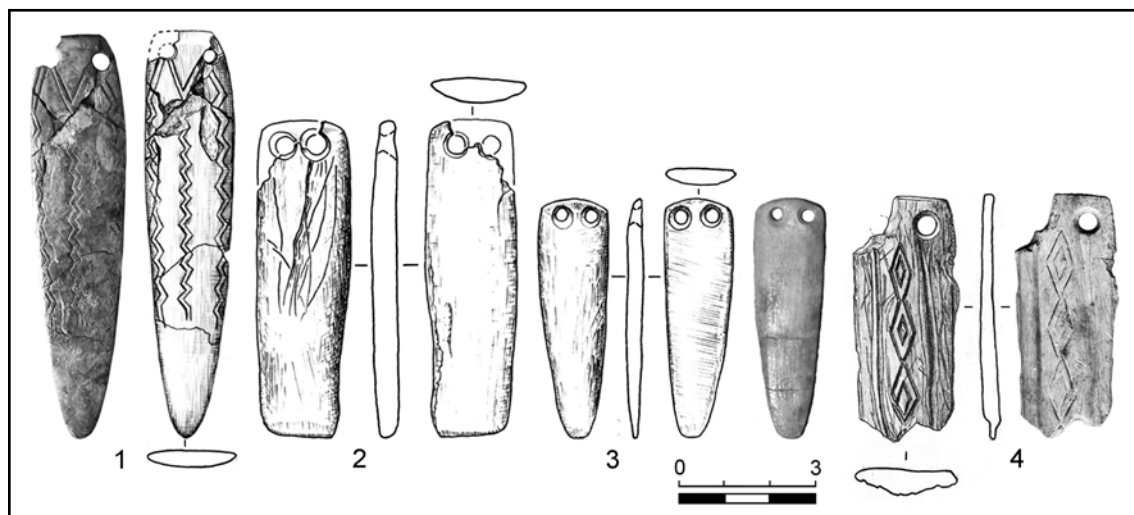
Fig. 14. Distribution of stone medallions from the settlement Razdorskaya 2 and from the main Neolithic sites of the Middle East (data after Kozłowski, Aurenche 2005).

Map (A): 1 — Razdorskaya 2; 2 — Çayönü; 3 — Körtik; 4 — Sumaki Höyük; 5 — Safat Cami Yani; 6 — Kumar; 7 — Sabi Abyad I, II; 8 — Halula; 9 — Mureybet; 10 — Kashkashok; 11 — Magzalia; 12 — Sotto; 13 — Thalathat; 14 — Hassuna; 15 — Banahilk; 16 — Zawi Cemi Shanidar; 17 — Shimshara; 18 — Jarmo; 19 — Sawwan; 20 — Songor A; 21 — Asiab; 22 — Guran; 23 — Choga Sefid; 24 — Ali Kosh.

Drawings (B): 1 — Sumaki Höyük (Erim-Özdoğan 2011); 2 — Çayönü (Erim-Özdoğan 2011); 3 — Salat Cami Yani (Miyake 2011); 4 — Zawi Cemi Shanidar (Solecki 1980); 5 — Thalathat (Solecki 1980); 6 — Jarmo (Braidwood et al. 1983); 7 — Shimshara (Kozłowski, Aurenche 2005); 8 — Razdorskaya 2.

Еще один яркий тип изделий в инвентаре Раздорской 2 — подпрямоугольные, ланцетовидные подвески из кости и рога с билатерально расположенными сквозными сверленными отверстиями (рис. 15) — был распространен в X—VII тыс. до н.э. по территории Плодородного Полумесяца (Kozłowski, Aurenche 2005: 193). Здесь они изготовлены

из камня, раковин и кости, иногда орнаментированы. Согласно С. Козловскому и О. Ауренче, к числу переднеазиатских памятников с такими подвесками, наиболее близко расположенных к Кавказу, относятся Халлан Чема, Джармо, Ганий Даре. В этот список можно дополнительно включить протонеолитическое поселение Северного Загроса Зави-

Рис. 15. Поселение Раздорская 2: 1—4 — подвески из кости и рога с двумя просверленными симметричными отверстиями (1—3 — по Цыбрий 2008: рис. 53; 4 — по Цыбрий 2010: рис. 45).

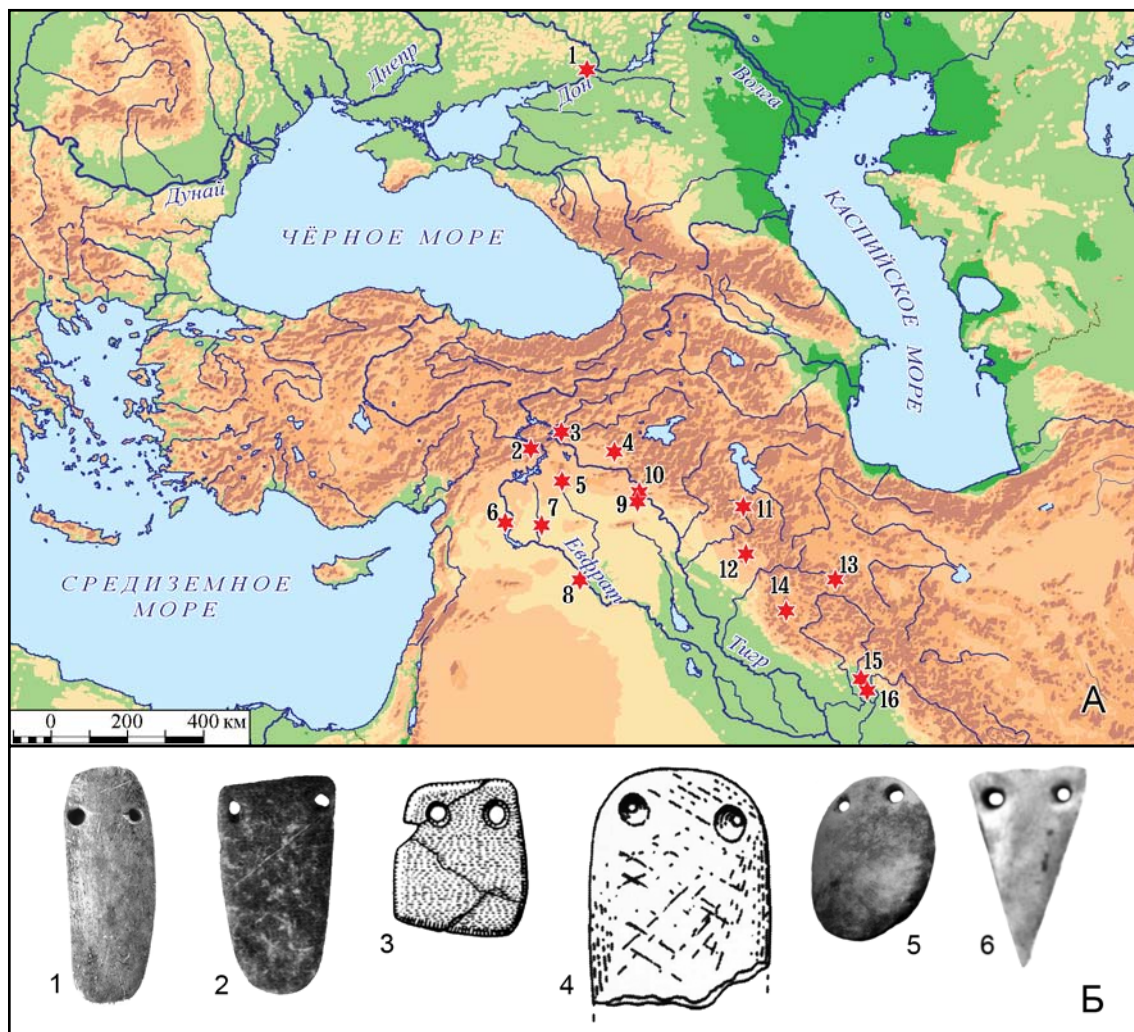
Fig. 15. Settlement Razdorskaya 2: 1—4 — pendants from bone and horn with two drilling symmetric openings (1—3 — after Цыбрий 2008: рис. 53; 4 — after Цыбрий 2010: рис. 45).

Чемпи-Шанидар (Solecki 1980: plate 8: a, c, d; 15: m), поселение докерамического неолита В на севере Ирака Тель Магзалия (Бадер 1989: табл. 39: 4; 28; 30), а также поселение керамического неолита в бассейне верхнего Тигра — Сумаки Хёюк (Erim-Özdoğan 2011: 32, fig. 35Ca) (рис. 16). В инвентаре поселения Раздорская 2 представлены восемь целых пластин-подвесок и свыше 10 в обломках. На целых экземплярах со стороны широкого конца изделия нанесены, как правило, два симметрично просверленных отверстия (рис. 15: 1—4), реже одно. Некоторые поделки украшены орнаментом или хаотично подчеркнутыми линиями. Характерно отсутствие подобных изделий на территориях, непосредственно граничащих с Нижним Доном, в частности, на Кавказе.

Ближневосточные параллели в неолите Нижнего Подонья имеют не только некоторые изделия, но и символика, выгравированная на поделках из кости и камня. Мы обратили внимание на мотив змеи, довольно широко представленного в материалах докерамического неолита Передней Азии (Schmidt 2007: 91), но особенно выразительного в поразительных по обилию символического инвентаря поселения и могильника времени докерамического неолита А (XI—X тыс. до н.э. кал.) Кертик Тепе в ЮВ Анатолии (Özkaya, Coşkun 2011: 89—127). Мотив змеи, изображенной треугольно смоделированной головой вверх, с характерным изгибом вертикально вытянутого тела, переданным, порой многократно, зигзагообразными линиями, является одним из наиболее частых изображе-

ний на поверхности каменных сосудов из хлорита (Özkaya, Coşkun 2011: 96, fig. 17; 23), а также на удлиненных костяных пластинах с заостренным концом (Özkaya, Coşkun 2011: fig. 37). Данные символы культурного мира Передней Азии, распространенные в раннем голоцене (рис. 17), несколько позже удивительным образом нашли воплощение в символике неолитического населения степей Днепро-Донского междуречья. Так, мы видим параллели змеям из Кертик Тепе в трех змеевидных изображениях, выгравированных на одной из костяных пластин из Раздорская 2, завершающихся отверстием-глазом (?) (рис. 18: 5). В инвентаре поселения имеется фрагмент костяной пластины с менее выразительным стилизованным изображением змеи (рис. 18: 4). С ними перекликаются изображения змей на камне (стеле?)³, обнаруженном у г. Ровеньки на востоке Украины (рис. 18: 3), который расположен в 150—200 км западнее станицы Раздорская (Красильников 1999: 11—12, 100), а также изображения на глиняных сосудах (рис. 18: 2) на стоянках Игрень 5 (Привалов 1994: рис. 1, 4) и Заваливка (Телегин 1968: рис. 13: 1), которые относятся, соответственно, к сурской и донецкой неолитической культуре.

³ Такие камни-стелы в украинской археологии традиционно датируются ямно-катакомбным временем. Однако символика ровеньковской стелы отличается от традиционно распространенной на стелах бронзового века. В силу этого мы не видим никаких императивных ограничений против предположения о более раннем, неолитическом, времени нанесения изображения со змеями.

Рис. 16. Карта памятников раннего неолита с подвесками с двумя симметрично расположенными отверстиями для крепления (А) и рисунки наиболее выразительных находок (Б) (данные по Kozłowski, Aurenche 2005).

Карта (А): 1 — Раздорская 2; 2 — Кафер; 3 — Чайёню; 4 — Халлан-Джеми; 5 — Неваля-Чори; 6 — Халула; 7 — Ассуад; 8 — Букрас; 9 — Магзалия; 10 — Немрик; 11 — верхний Зави-Чеми; 12 — Джармо; 13 — Гандж-Даре; 14 — Гуран; 15 — Чога-Сефид; 16 — Али-Кош.

Рисунки (Б): 1 — Чайёню (Köksal-Schmidt, Schmidt 2007); 2 — Сумак-Хёйёк (Erim-Özdoğan 2011); 3 — Магзалия (Bader 1989); 4 — Халула (Kozłowski, Aurenche 2005); 5 — Зави-Чеми-Шанидар (Solecki 1980); 6 — Джармо (Braidwood et al. 1983).

Fig. 16. Map of the main Neolithic settlements with pendants with two symmetric openings for fastening (A) and drawings of some most important finds (B) (data after Kozłowski, Aurenche 2005).

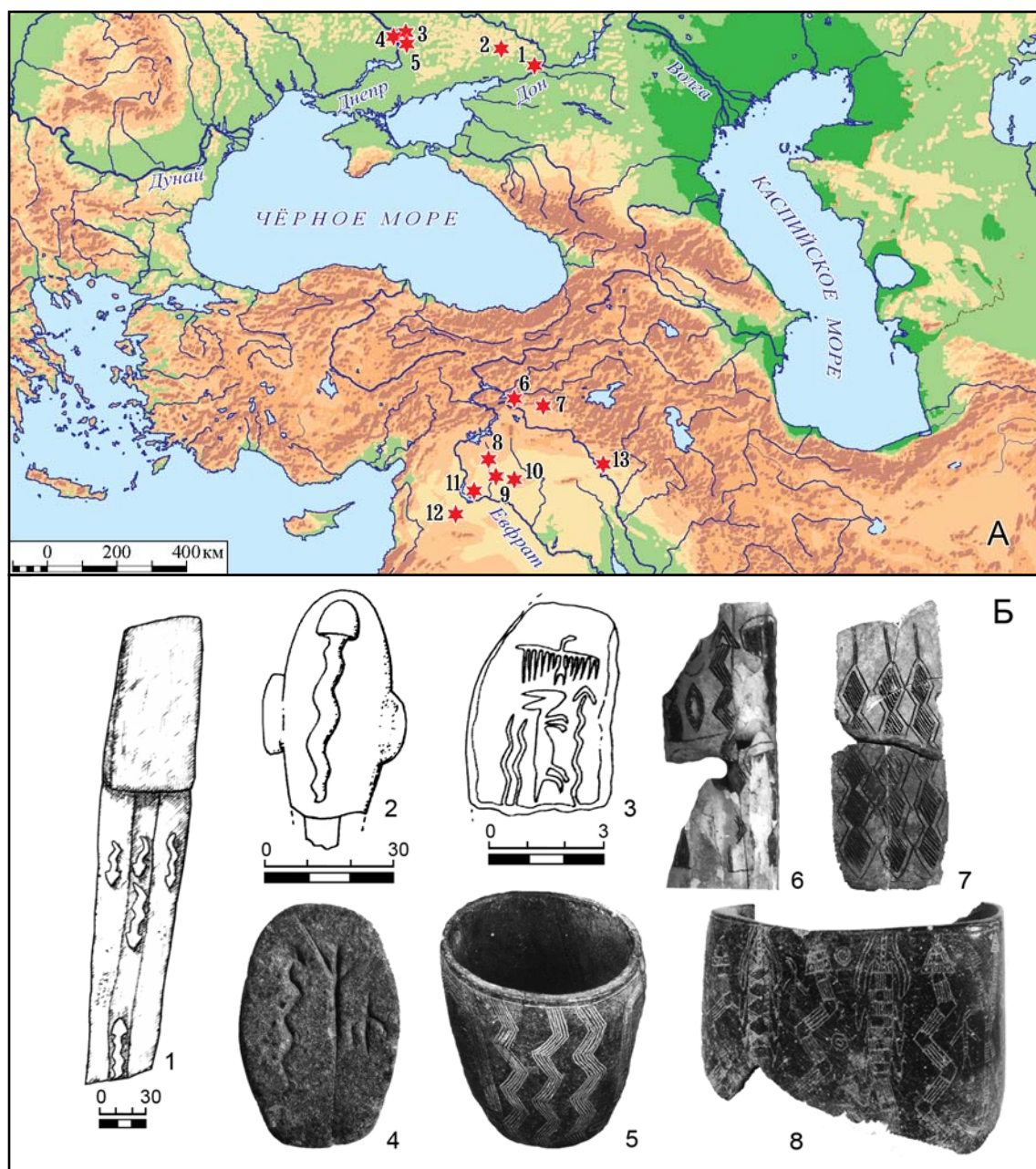
Map (A): 1 — Razzorskaya 2; 2 — Cafer; 3 — Çayönü; 4 — Hallan Cemi; 5 — Nevalı Çori; 6 — Halula; 7 — Assouad; 8 — Bugras; 9 — Magzalia; 10 — Nemrik; 11 — Zawi Chemi upper; 12 — Jarmo; 13 — Ganj Dareh; 14 — Guran; 15 — Choga Sefid; 16 — Ali Kosh.

Drawings (B): 1 — Çayönü (Köksal-Schmidt, Schmidt 2007); 2 — Sumaki Höyük (Erim-Özdoğan 2011); 3 — Magzalia (Bader 1989); 4 — Halula (Kozłowski, Aurenche 2005); 5 — Zawi Chemi Shanidar (Solecki 1980); 6 — Jarmo (Braidwood et al. 1983).

литическим культурам. Возможно, и в треугольном изображении, програвированном в сложной композиции на удлиненной костяной пластине из стоянки ранней сурской культуры Кизлевый 5 (Тубольцев 2005: рис. 6: 16) отразилась змеевидная символика Передней Азии, многократно трансформированная временем и расстоянием (рис. 18: 1). В пользу высокой вероятности подобной трансляции, помимо уже рассмотренных утолщков, говорят многочисленные сосуды из мягких по-

род камня (рис. 19), выполненные порой в туземной остродонной версии (Даниленко 1969: рис. 3: 33), как в неолите Нижнего Днепра, так и Нижнего Дона (Бодянский 1949; Даниленко 1950; 1969; Wechler 2001: taf. 16: 3—8; Крижевская 1992: рис. 27: 9; Белановская 1995: рис. XXVII: 2, 3).

Заслуживают внимание некоторые образительные средства в искусстве неолита Нижнего Дона, которые имеют параллели в неолите Кавказа и Передней Азии. Речь идет

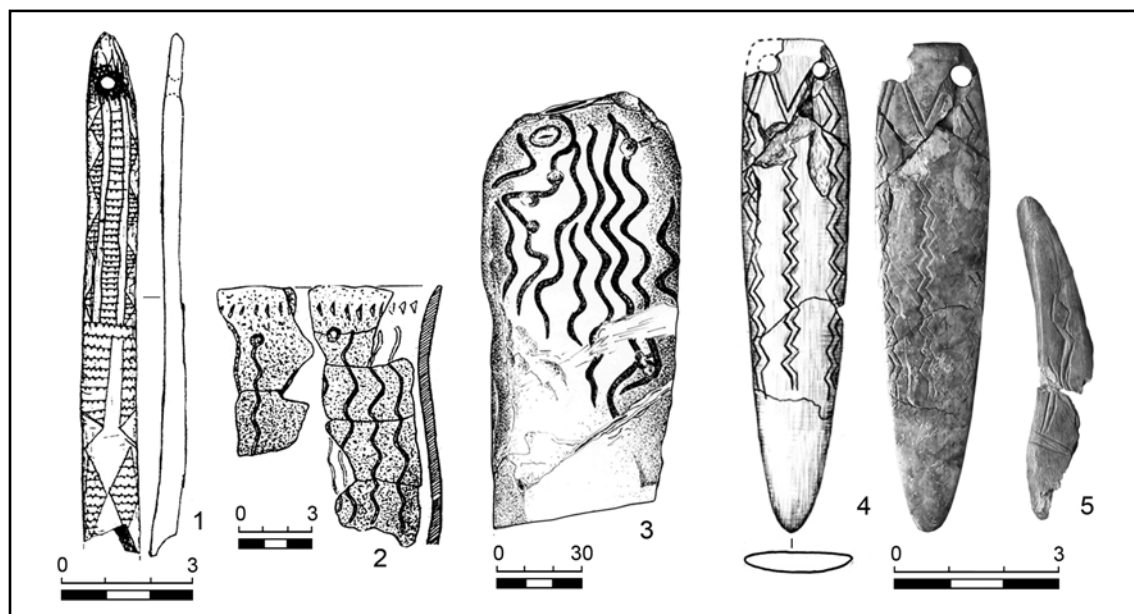

Рис. 17. Карта памятников раннего неолита (А) с находками, украшенными декором и изображениями змей, (данные по Kozłowski, Aurenche 2005) и некоторые находки с этих памятников (Б).
 Карта (А): 1 — Раздорская 2; 2 — Ровеньки; 3 — Игрень 5; 4 — Кизлевый 5; 5 — Сурской Остров; 6 — Чайёно; 7 — Кёртик-Тепе; 8 — Невали-Чори; 9 — Гёбекли-Тепе; 10 — Карахан; 11 — Мурейбет; 12 — Джерф эль-Ахмар; 13 — Немрик.
 Рисунки (Б): 1 — Гёбекли-Тепе; 2 — Невали-Чори; 3 — Джерф эль-Ахмар; 4 — Чайёно; 5—8 — Кёртик-Тепе; 5 — Джерф эль-Ахмар (1—3 — Kozłowski, Aurenche 2005; 4 — Köksal-Schmidt, Schmidt 2007; 5—8 — Özkaya, Coşkun 2011).

Fig. 17. Map of the Neolithic settlements (A) with finds decorated with the snake representations and other ornaments (after Kozłowski, Aurenche 2005) and some finds from these settlements (B).
 Map (A): 1 — Razdorskaya 2; 2 — Roven'ki; 3 — Igren 5; 4 — Kizlevy 5; 5 — Surskoy Ostrov; 6 — Çayönü; 7 — Körtik Tepe; 8 — Nevalı Çori; 9 — Göbekli Tepe; 10 — Karahan; 11 — Mureybet; 12 — Jerf el Ahmar; 13 — Nemrik.
 Drawings (B): 1 — Göbekli Tepe; 2 — Nevalı Çori; 3 — Jerf el Ahmar; 4 — Çayönü; 5—8 — Körtik Tepe (1—3 — Kozłowski, Aurenche 2005; 4 — Köksal-Schmidt, Schmidt 2007; 5—8 — Özkaya, Coşkun 2011).

о таких изобразительных элементах, как сверлины на камне и кости, скобочные и ямочные наколы на глиняной пластике. В материалах нижнедонских поселений Раздорская 2,

Ракушечный Яр встречены изделия, где сверлины, как правило, несквозные, образуют линейную композицию, расположенную параллельными или одиночными рядами в попереч-

Рис. 18. Находки с изображениями змей по материалам памятников низовий Днепро-Донского междуречья: 1 — Кизлевый 5 (по Тубольцев 2005: рис. 6: 16); 2 — Игрень 5 (по Привалов 1994: рис. 1: 4); 3 — Ровеньки (по Красильников 1999: 11—12, 100); 4, 5 — Раздорская 2.

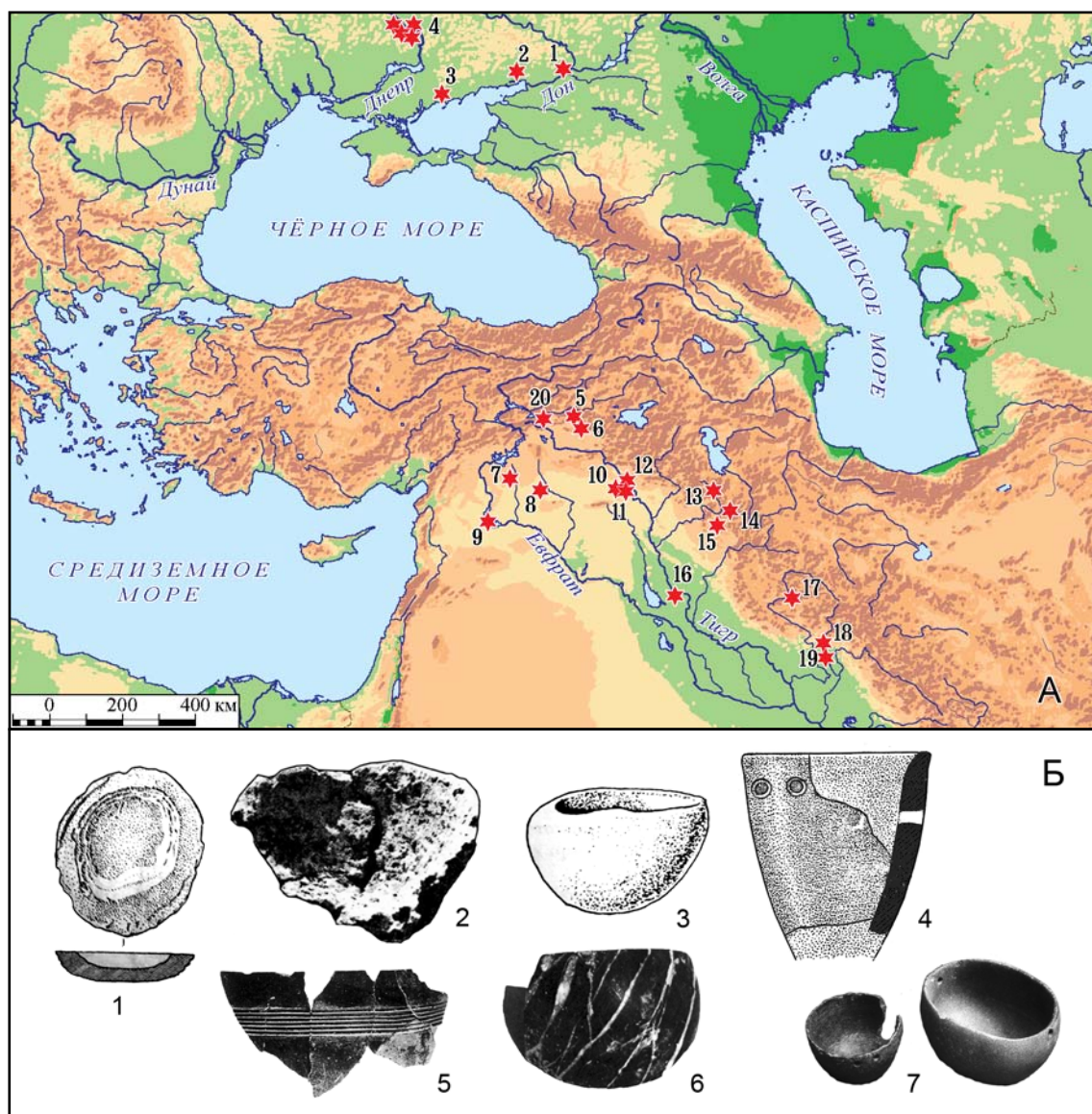
Fig. 18. Finds with the representations of snakes from the settlements of the Lower Dnieper and Lower Don basin: 1 — Kizlevyi 5 (after Тубольцев 2005: рис. 6: 16); 2 — Igren 5 (after Привалов 1994: рис. 1: 4); 3 — Rovenki (по Красильников 1999: 11—12, 100); 4, 5 — Razdorskaya 2.

ной либо в диагональной проекции (рис. 20). Особенно ярко это иллюстрируют подвески из кости овальной и яйцевидной форм («рыбки») в Ракушечном Яре (Белановская 1995: рис. XXVIII: 9, 16; XXIX: 8, 10). Частые скобковидные наколы, ногтевые вдавления, ямки в отступающей манере были отмечены нами выше на изделиях глиняной пластики в Раздорской 2 (рис. 6: 1, 3).

Использование сверлины как орнаментального приема на Ближнем Востоке (рис. 20) имеет глубокую традицию. Впервые оно было отмечено в натуфийской культуре (Noy 1991: 558, fig. 2: 1—4). Отдельные изделия, орнаментированные с помощью сверления, встречаются в Джармо (Moholy-Nagy 1983: fig. 136: 25; 142: 15) и Кертик-Тепе (Özkaça, Coşkun 2011: fig. 21). Использование ямочных наколов на женских глиняных статуэтках замечено в материалах кавказского поселения Арухло неолитической культуры Шулавери-Шомуतेпе (Hansen 2007: 199), а также на глиняной статуэтке из Невали Чори (Hauptmann 2011: fig. 18). Частые ногтевидные, скобчатые вдавления присутствуют на поверхности статуэтки из Тепе Сараб возле Керманшаха (Melaart 1975: 88, fig. 39).

Еще одним традиционным аспектом сравнения каменных индустрий юга Восточной Европы, Кавказа и Передней Азии является техника расщепления кремня, а также типоло-

гия геометрических микролитов. Характерной чертой раннеолитической каменной индустрии поселений Нижнего Подонья, ранне-неолита Кавказа, докерамического неолита Передней Азии является широкое использование техники ручного отжима пластин. Многие специалисты полагают, что эта техника зародилась в позднем палеолите на территории юга Сибири, в Монголии и Китае, откуда стала распространяться на запад (Inizan 2012: 18). Уже в IX—VIII тыс. до н.э., данная технология появляется в Центральной Азии, Каспийском бассейне, Загросе и Анатолии. В начале VII тыс. до н.э., во время культурной диффузии Млефатена — одной из ранних неолитических культурных провинций в Северо-Западном Ираке — каменная индустрия, основанная на отжимной технике, становится типичной для памятников культуры Джейтун в Туркмении (Kozłowski 1999: 150). Уже в VIII—VII тыс. до н.э., индустрии с отжимным пластинчатым расщеплением появляются в некоторых районах Европы, близких к территориям Плодородного Полумесия (Perles 2001: 46—47; Biagi, Kiosak 2010: 29—31). Действительно ли технология отжимного расщепления распространилась, как полагает М. Инизан (Inizan 2012: 22), из одного центра или имело место независимое ее появление в разных частях Старого Света (Нужный 1992: 172; Гирия 1997: 102—103)? Датировка

Рис. 19. Распространение находок сосудов из камня (А) на неолитических поселениях Нижнего Дона, Нижнего Днепра и Передней Азии (данные по Kozłowski, Aurenche 2005) и некоторые находки (Б).

Карта (А): 1 — Ракушечный Яр; 2 — Матвеев Курган; 3 — Каменная Могила; 4 — памятники сурской культуры; 5 — Халлан Чеми; 6 — Кёрлик; 7 — Гёбекли-Тепе; 8 — Ассуад; 9 — Мурейбет; 10 — Магзалия; 11 — Талатат; 12 — Немрик; 13 — Зави Чеми Шанидар; 14 — Шимшара; 15 — Джармо; 16 — Савван; 17 — Гуран; 18 — Чога-Сефид; 19 — Али-Кош; 20 — Чайёню.

Рисунки (Б): 1 — Матвеев Курган (Крижевская 1991); 2 — Магзалия (Бадер 1989); 3 — Ракушечный Яр (Белановская 1995); 4 — памятники сурской культуры (Тубольцев 2012); 5 — Чайёню (Erim-Özdoğan 2011); 6 — Джармо (Braidwood et al. 1983); 7 — Халлан Джеми (Rosenberg 2011).

Fig. 19. Distribution of stone vessels on the main Neolithic sites of the Lower Don, Lower Dnieper and in the Middle East (after Kozłowski, Aurenche 2005) and some finds (B).

Map (A): 1 — Rakushechnyi Yar; 2 — Matveev Kurgan; 3 — Kamennaya Mogila; 4 — settlements of Surskaya culture; 5 — Hallan Çemi; 6 — Körlük; 7 — Göbekli Tepe; 8 — Assouad; 9 — Mureybet; 10 — Magzalia; 11 — Thalathat; 12 — Nemrik; 13 — Zawi Chemi Shanidar; 14 — Shimshara; 15 — Jarmo; 16 — Sawwan; 17 — Guran; 18 — Choga Sefid; 19 — Ali Kosh; 20 — Çayönü. Drawings (B): 1 — Matveev Kurgan (Krijevskaya 1991); 2 — Magzalia (Bader 1989); 3 — Rakushechnyi Jar (Belanovskaya 1995); 4 — Surskaia culture (Tuboltsev 2012); 5 — Çayönü (Erim-Özdoğan 2011); 6 — Jarmo (Braidwood et al. 1983); 7 — Hallan Çemi (Rosenberg 2011).

второй половиной VIII тыс. до н.э. мезолитических памятников ряда культур Северного Причерноморья и Нижнего Поднепровья с отжимным пластинчатым расщеплением, таких, как Мурзак-Кобы (Ласпи 7), Гребенников

(Мирное), Кукрека и Игрени 8, а также присутствие карандашевидных нуклеусов уже в инвентаре некоторых памятников финального палеолита этого региона заставляет обратить внимание на второй вариант. Однако

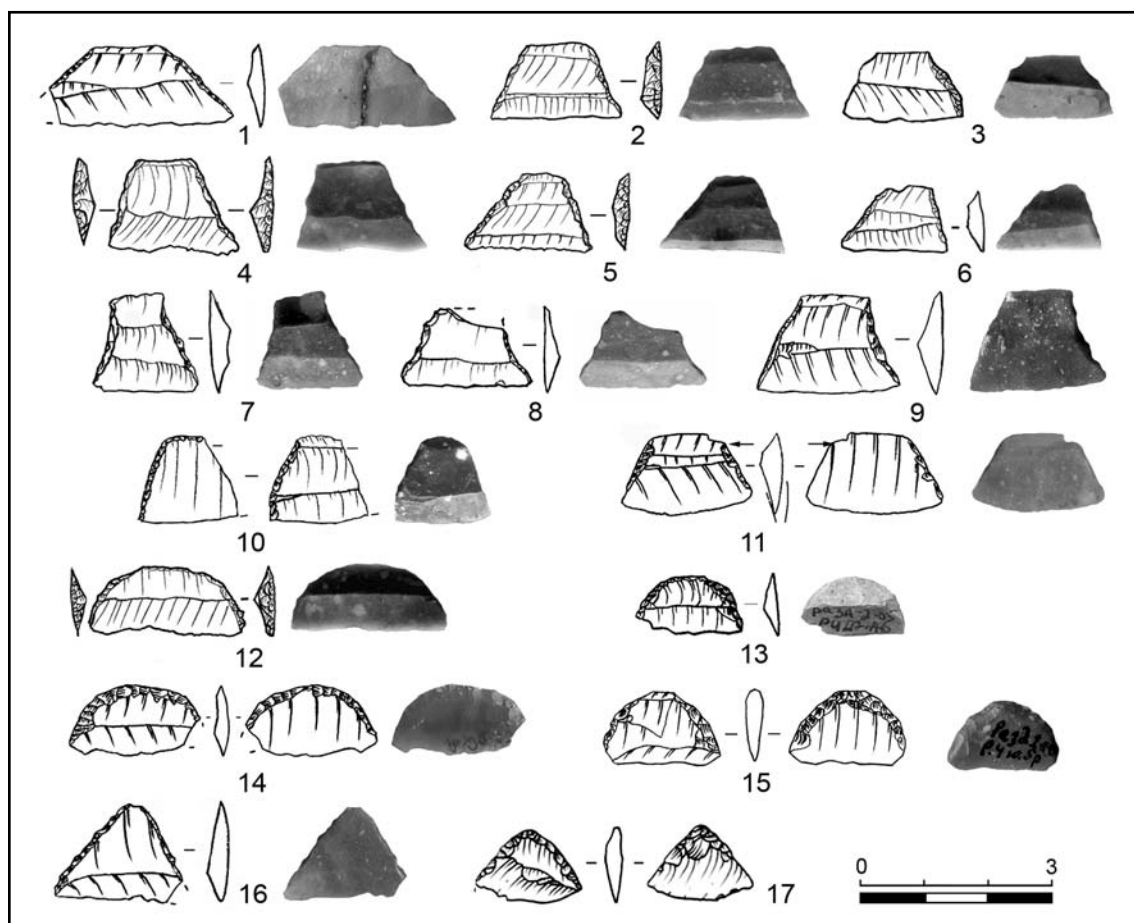
Рис. 20. Использование некоторых общих специфических изобразительных средств в символике поселений Раздорская 2, Ракушечный Яр и памятников каменного века Передней Азии (данные по Kozłowski, Aurenche 2005). Карта (А): 1 — Ракушечный Яр, Раздорская 2; 2 — Арухло; 3 — Чайёну; 4 — Гёбекли-Тепе; 5 — Музейбет; 6 — Нахал-Орен; 7 — Немрик; 8 — Джармо; 9 — Сараб; 10 — Ганжи Даре. Рисунки (Б): 1 — Гандж Даре, Немрик (Kozłowski, Aurenche 2005); 2 — Ракушечный Яр; 3 — Раздорская 2; 4, 6 — Нахал-Орен (Noy 1991); 5 — Музейбет (Noy 1991); 7 — Джармо; 8 — Чайёну (Köksal-Schmidt, Schmidt 2007); 9 — Сараб (Kozłowski, Aurenche 2005).

Fig. 20. Use of some common specific decorative art elements in the symbolic sphere of settlements Razdorskaya 2, Rakušečnyj Yar and in the Stone Age of the Middle East (after Kozłowski, Aurenche 2005). Map (A): 1 — Rakushechnyj Yar, Razdorskaja 2; 2 — Arukhló; 3 — Čayönü; 4 — Göbekli Tepe; 5 — Mureybet; 6 — Nahal Oren; 7 — Nemrik; 8 — Jarmo; 9 — Sarab; 10 — Ganj Dareh. Drawings (B): 1 — Ganj Dareh, Nemrik (Kozłowski, Aurenche 2005); 2 — Rakushechnyj Yar; 3 — Razdorskaya 2; 4, 6 — Nahal Oren (Noy 1991); 5 — Mureybet (Noy 1991); 7 — Jarmo; 8 — Čayönü (Köksal-Schmidt, Schmidt 2007); 9 — Sarab (Kozłowski, Aurenche 2005).

это не исключает версии проникновения технологии отжимного расщепления в бассейн Нижнего Дона кавказским или даже среднеазиатским путем.

Более диагностичные результаты дает поиск аналогий довольно специфическому и бес-

прецедентно многочисленному набору геометрических микролитов Раздорской 2 (рис. 21). Он включает три класса геометрических микролитов: трапеции (рис. 21: 1—11), сегменты (рис. 21: 12—15) и треугольники (рис. 21: 16—17) (Цыбрий 2008: 30). Трапеции чис-

Рис. 21. Поселение Раздорская 2: геометрические микролиты (1—3, 5—17 — по Цыбрий 2008, рис. 53; 4 — по Цыбрий 2010: рис. 22).

Fig. 21. Settlement Razdorskaya 2: geometric microliths (1—3, 5—17 — after Цыбрий 2008, рис. 53; 4 — after Цыбрий 2010: рис. 22).

ленно преобладают (277 экз. с обломками). Большинство из них симметричны, имеют средневысокие пропорции, обработаны крутой ретушью по бокам. Вместе с тем, отмечены пять трапеций низких пропорций, несколько асимметричных трапеций, единичные трапеции с одной боковой стороной выпуклой, а противоположной — вогнутой, с обеими вогнутыми боковыми сторонами. Заслуживают внимание экземпляры, обработанные встречной и противоположающей ретушью. Сегменты (13 экз.) представлены разновидностями средневысоких и низких пропорций. Семь из них обработаны по дуге двусторонней ретушью, как правило, пологой, но в одном случае — крутой, встречной, гелуанского типа (рис. 21: 14). Треугольники (4 экз) представлены исключительно изделиями симметричных пропорций. Набор геометрических микролитов, встреченный в Раздорской 2, с учетом возраста памятника, не имеет прямых аналогий на Кавказе. В мезолите и раннем неолите Кавказа имело место значительное региональное разнообразие

геометрических микролитов вообще и комбинации их отдельных классов и типов. Нам представляется, что наиболее близкие параллели комплексу Раздорской 2 имеются в двух кавказских регионах: на Северном Кавказе и на Черноморском побережье Западного Кавказа. На Северном Кавказе традиция изготовления сегментов с двусторонней (гелуанской?) ретушью прослежена в мезолитнеолите, начиная с финального палеолита. Уже в комплексе Губского навеса 7 (навес Сатанай), имеющем радиоуглеродную датировку 11 200 ВР, отмечен разнообразный набор трапеций в сочетании с сегментами с двусторонней ретушью по дуге (Формозов 1965: рис. 20; Амирханов 1987: 197; Леонова 2009: 105). Сегменты с гелуанской ретушью были встречены в более молодых мезолитических и, возможно, раннеолитических слоях памятников Губского навеса, датированных в интервале 11—9,5 тыс. л.н. и несколько позже (Леонова 2009: 106). Трапеции и сегменты обычные, а также с двусторонней ретушью, были

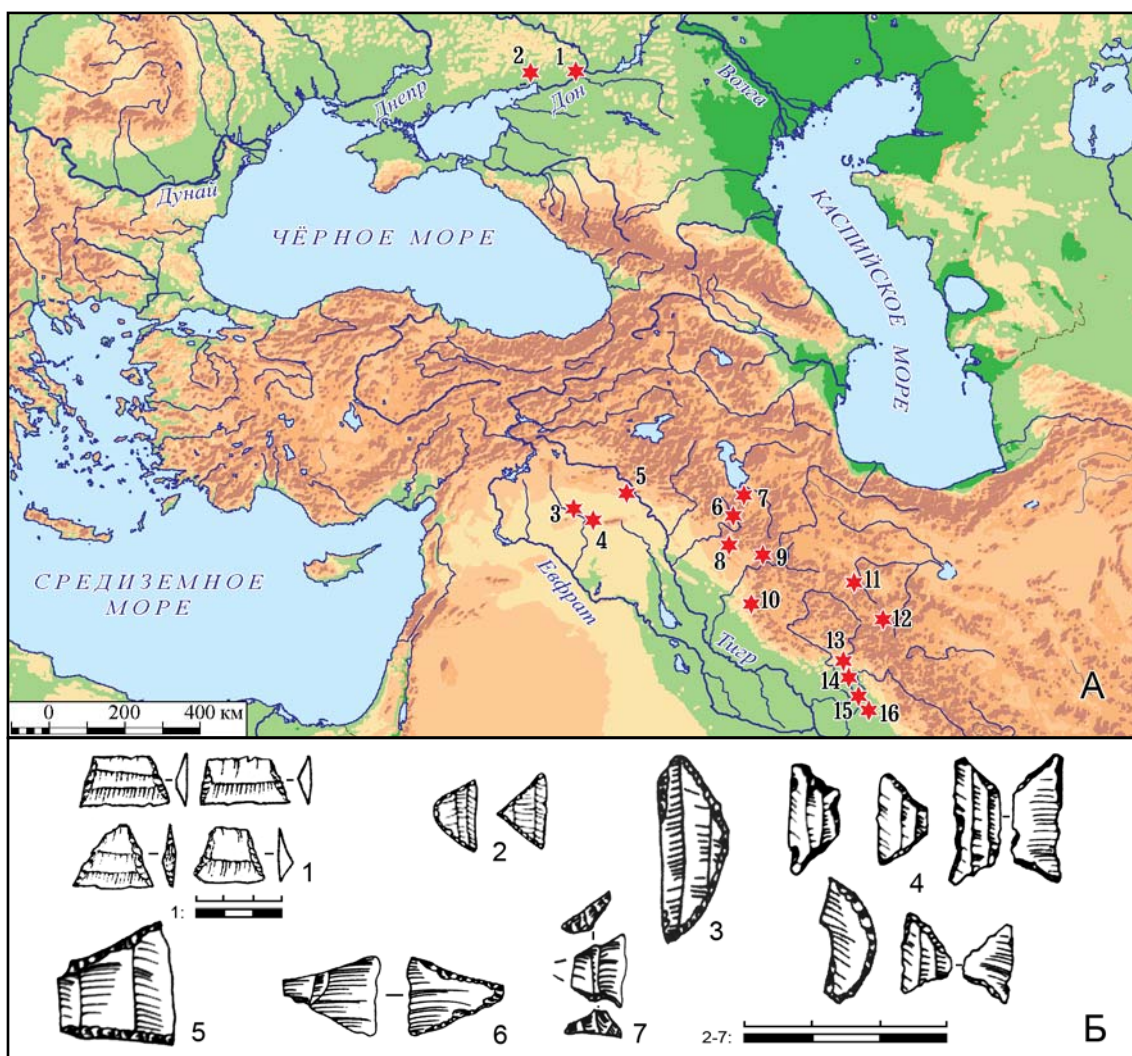
встречены в комплексе навеса Цми в Северной Осетии в слоях мезолита-раннего неолита, датированных по радиоуглероду серединой VII — началом VI тыс. cal. BC (Rostunov et al. 2009: 47—74). Конечно, бросается в глаза своеобразный технологический и типологический контекст указанных северокавказских индустрий, отличный от ансамбля Раздорской 2. В этом отношении значительно ближе к Раздорской 2 находится комплекс одной из самых выразительных причерноморских ранненеолитических стоянок Западного Кавказа — Анасеули 1, в котором типы трапедий (Небиеридзе 1972: табл. IV: 12—15) вполне сопоставимы с нижнедонскими, а также имеются сегменты (Бжания 1996: рис. 22, 32). Для корректности данного сопоставления важно заметить несравнимо меньшую численность коллекции Анасеули 1, а также наличие серии сегментов с гелуанской ретушью в соседней стоянке Анасеули 2.

На территории Передней Азии наборы геометрических микролитов были встречены лишь в инвентаре неолитических памятников отдельных регионов. Для большей части территорий Плодородного Полумесяца они не были характерны. Особенно перспективен для сопоставлений уже не раз упоминавшийся неолит Северного Загроса (рис. 22). Здесь, в культурной группе Млефатьен, по Ст. Козловскому (Kozlowski 1999: 51—75), в поздних акерамических — ранних керамических слоях поселения Джармо, датировемых от конца VIII тыс. до н.э., присутствует представительный ансамбль геометрических микролитов, включающий симметричные средневысокие трапеции (124 экз.), равнобедренные треугольники (12 экз.) и средневысокие сегменты (6 экз.) (Hole 1983: 237—238).

Дискуссия

Проведенный сравнительный анализ некоторых материалов ранненеолитических поселений Нижнего Дона с синхронными находками Кавказа, Ближнего Востока говорит о наличии многих параллелей между ними. Эти элементы сходства не только указывают на значимость южного вектора связей для возникновения и развития неолита Нижнего Дона. Выделенные для сопоставления некоторые параметры развития и типы изделий определяют его качественное своеобразие на фоне прочих культурных проявлений мезолита и неолита Восточной Европы. Совокупность установленных параллелей, их логическая взаимообусловленность, приуроченность к определенным пространственно-

временным рамкам свидетельствуют против вероятности случайного совпадения. Напротив, они дают основание утверждать, что причиной возникновения выше указанных сходных черт и явлений археологического универсума являются исторически релевантные события и связи. У нас есть многочисленные основания локализовать, по меньшей мере, два региона, параллели с которыми неолита Нижнего Дона, особенно очевидны. Это территория Северного Загроса и причерноморское побережье Кавказа. Культурная группа Млефатьен, расположенная на территории Северного и Центрального Загроса, материалы которой во многом восходят к традициям Зарзи, имеет действительно много общего с неолитом Нижнего Дона. В X—VIII тыс. до н.э. здесь на основе дальнейшего развития охотничье-собирательской хозяйственной модели (стадия коллекторов) возникают многие проявления неолита — относительная оседлость, архитектура с использованием камня и глины, богатая глиняная и каменная пластика с антропоморфными и зооморфными сюжетами. Породы мягкого камня широко используются для производства всевозможных изделий: топоров, тесел, стамесок, выпрямителей древков стрел, посуды, медальонов и т.п. Функциональные группы рубяще-долбящих изделий, сверл, разверток (рис. 23; 24), накопечников стрел с использованием геометрических микролитов играют в орудийном наборе решающую роль. Очень рано распространяется техника полирования и шлифовки, ручного отжима правильных пластин, которые приобретают определяющую роль в качестве заготовок для орудий. С начала VII тыс. начинается использование глиняной посуды. Во многом сходный процесс имел место в развитии неолита Черноморского побережья Кавказа, который, к сожалению, не имеет датировок по радиоуглероду. Здесь встречены такие элементы, родственные Млефатьену, как каменные шары, в более поздних неолитических памятниках — посуда с плоским дном без орнамента (Формозов 1962: 136—147; 1965: 57—62). Возможно, под влиянием мезолита Северного Кавказа, появляются как на Нижнем Дону, так и в Запднокавказском неолите, сегменты и трапеции с двусторонней ретушью. Очерченные линии сходства явлений материальной и духовной культуры в Нижнем Подонье, на Черноморском побережье Кавказа, как и предполагали многие исследователи, начиная с В.Н. Даниленко (Даниленко 1969: 18; Формозов 1977: 47—48; Котова 2002: 76), могут быть объяснены в рамках миграционного сценария. Связи неолитического насе-

Рис. 22. Распространение различных типов геометрических микролитов на памятниках Нижнего Подонья и Передней Азии (данные по Kozłowski, Aurenche 2005).

Карта (А): 1 — Раздорская 2; 2 — Матвеев Курган; 3 — Секер; 4 — Кашкашок; 5 — Ярим II; 6 — Банахилк; 7 — Хаджи-Фируз; 8 — Джармо; 9 — Карим Шахир; 10 — Сондор В; 11 — Ше-Габиль С; 12 — Абдул-Хоссейн; 13 — Асиаб; 14 — Гуран; 15 — Чога-Сефид; 16 — Сабаз.

Рисунки (Б): 1 — Матвеев Курган (Крижевская 1991); 2 — Чога-Сефид; 3 — Сабаз; 4 — Джармо; 5 — Сондор В; 6 — Гуран; 7 — Асиаб (2—6 по Kozłowski, Aurenche 2005).

Fig. 22. Distribution of different types of geometric microliths on the settlements of Lower Don basin and the Middle East (data after Kozłowski, Aurenche 2005).

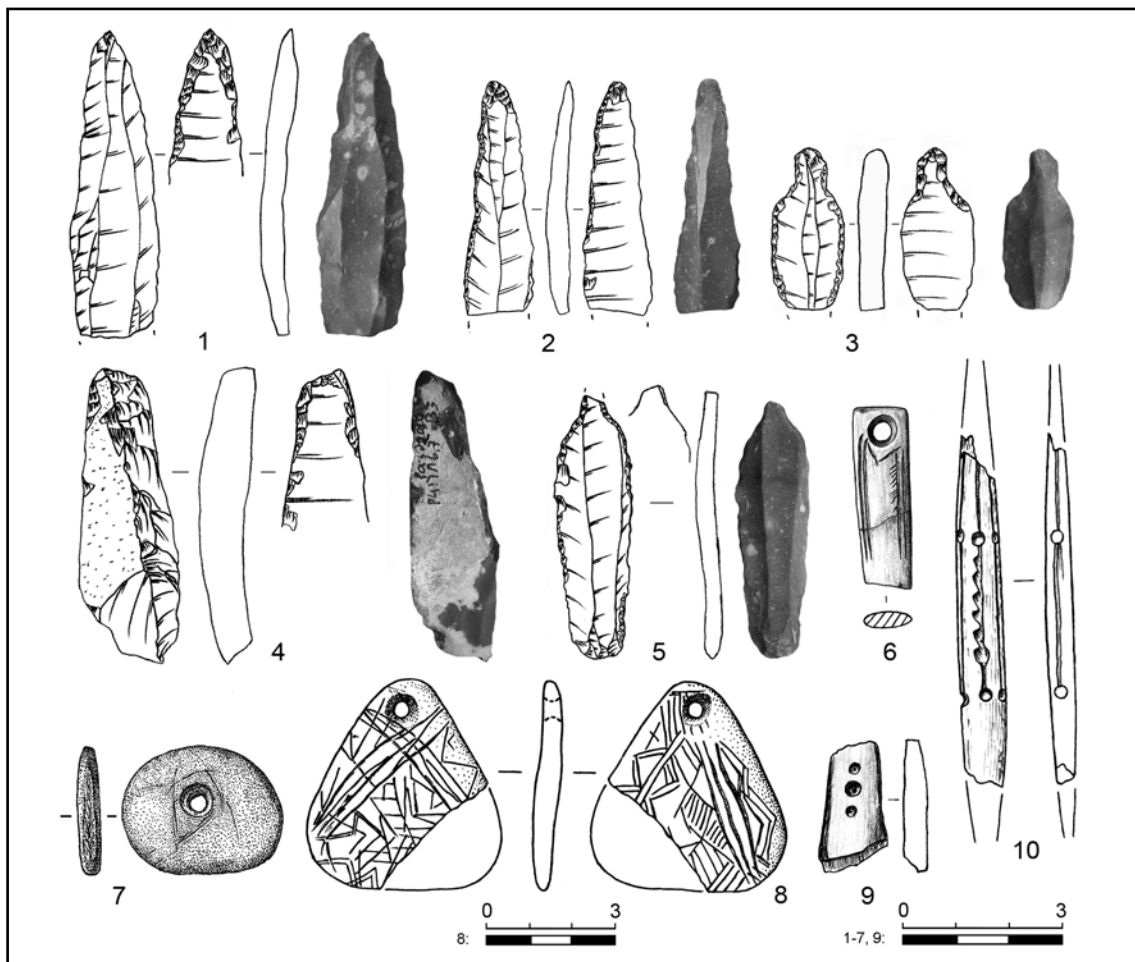
Map (A): 1 — Razdorskaya 2; 2 — Matveev Kurgan; 3 — Seker; 4 — Kashkashok; 5 — Yarim II; 6 — Banahilk; 7 — Hajji Firuz; 8 — Jarmo; 9 — Karim Shahir; 10 — Sondor B; 11 — She Gabil C; 12 — Abdul Hossein; 13 — Asiab; 14 — Guran; 15 — Choga Sefid; 16 — Sabaz.

Drawings (B): 1 — Matveev Kurgan (Крижевская 1991); 2 — Choga Sefid; 3 — Sabaz; 4 — Jarmo; 5 — Sondor B; 6 — Guran; 7 — Asiab (2—6 after Kozłowski, Aurenche 2005).

ления Северного Загроса с Приазовьем могли установиться между 8500—7000 лет до н.э. в период докерамического неолита В (PPNB). Этот период был временем расселения, миграций из районов Плодородного Полумесяца в смежные регионы (Cauvin 2000: 135—207; Zeder 2009: 27).

Что побуждало обитателей Загроса мигрировать? Еще недавно были в ходу гипотезы, основанные на возможности аграрного перенаселения, вызванного развитием неолитиче-

ской экономики (Cohen 1977). Эта идея не нашла подтверждения данными современной науки (Zeder 2009: 41). Более вероятна версия, связывающая возможную миграционную активность обитателей Загроса в конце PPNB с иссушением климата. Поиск благоприятной среды обитания в более влажных районах черноморского побережья с субтропическим климатом был, вероятно, логическим выходом из данной ситуации. Двигались ли переселенцы исключительно сухопутным путем по суб-

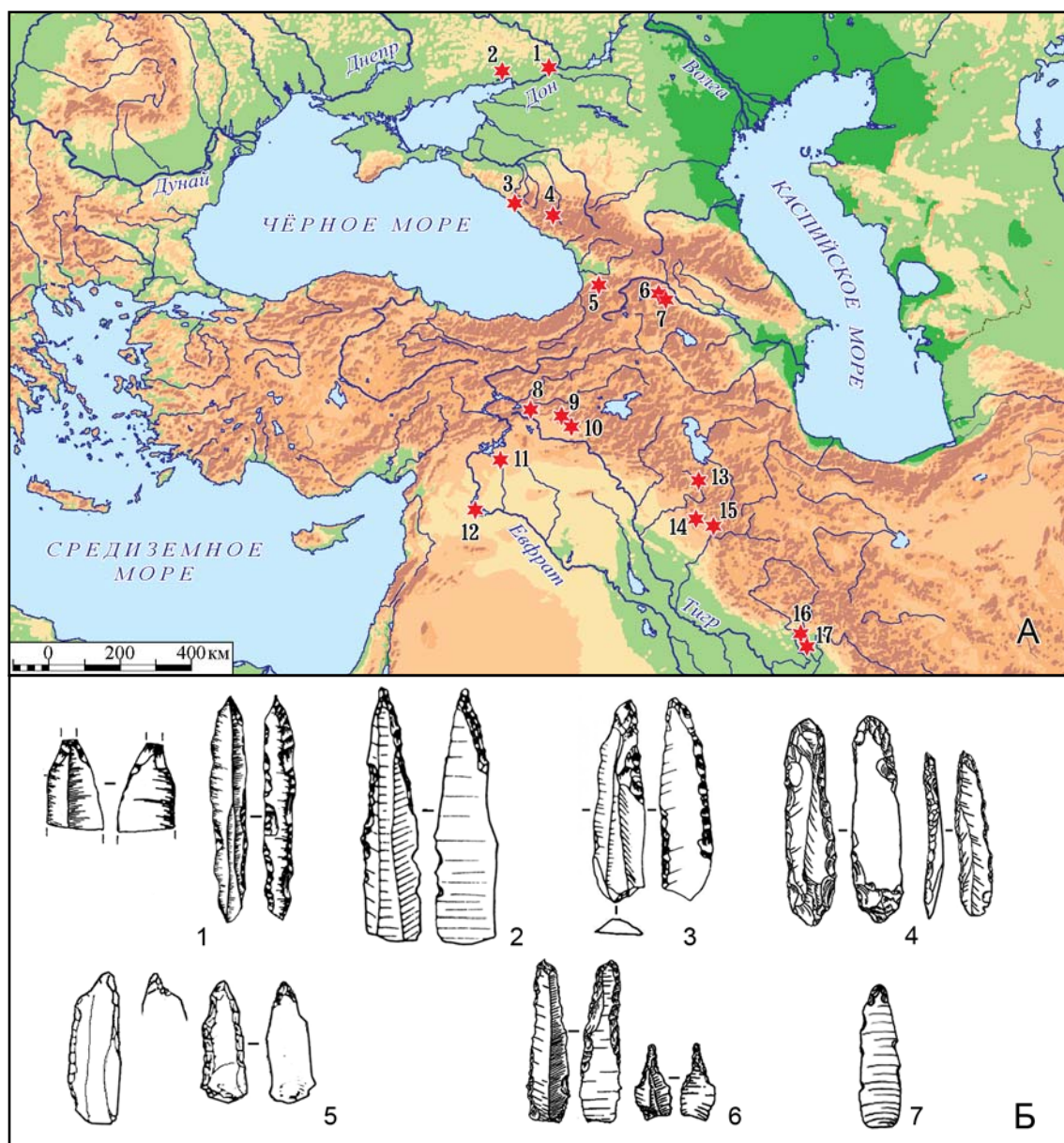

Рис. 23. Поселение Раздорская 2. Сверла и перфораторы (1—5) и находки со сверлением (6—10) (1—7, 9, 10 — по Цыбрий 2010: рис. 34; 8 — по Цыбрий 2008: рис. 48: 2).

Fig. 23. Settlement Razdorskaya 2. Drills and perforators (1—5), and artefacts with drilling (6—10) (1—7, 9, 10 — after Цыбрий 2010: рис. 34; 8 — after Цыбрий 2008: рис. 48: 2).

тропическому побережью Черного моря, а впоследствии и Азовского моря, или, как неолитические колонизаторы Эгейского моря, они использовали простейшие морские суда? Было ли это разовое передвижение или многократное? Очевидно, что однозначный ответ на эти вопросы в силу скудости наших современных знаний не возможен. Обитатели неолитических поселений Нижнего Подонья были, бесспорно, в состоянии изготавливать примитивные суда, но были ли они приспособлены для каботажного плавания? С учетом значительных различий между неолитом Нижнего Подонья и Западного Кавказа, речь должна, по всей видимости, идти о разных событиях. Парадоксален факт, что ранненеолитические поселения Черноморского побережья Кавказа, расположенные географически ближе к Загросу, имеют меньше черт сходства с неолитом данного региона, нежели неолит Нижнего Подонья. Это говорит в пользу множественных миграционных событий.

Наиболее актуальный вопрос настоящей статьи — было ли появление костей одомашненных животных: крупного рогатого скота, свиньи, овцы/козы в ранненеолитических коллекциях поселений у Матвеева Кургана, Ракушечного Яра и, возможно, в материалах ранненеолитического слоя навеса Дарквети в Грузии (Kiguradze, Menabde 2004: 350), частью переднеазиатского неолитического пакета? С учетом данных о ранней доместикации многих из этих животных на территории Загроса, а также в прилегающих к ним с востока районах Ирана (Zeder 2009: 34—36; Scheu 2012: 123; Geörg 2013: 119, 134) такая возможность не исключена, более того, она весьма вероятна. Сопровождался ли трансферт домашних животных доместцированными растениями? Вопрос, который еще в большей степени требует продолжения исследований. Для решения данных проблем необходимы палеогенетические и новые палеозоологические исследования, наряду, конечно, с палео-

Рис. 24. Распространение сверл и перфораторов в главных памятниках неолита Кавказа и Передней Азии (данные по Kozłowski, Aurenche 2005).

Карта (А): 1 — Ракушечный Яр, Раздорская 2; 2 — Матвеев Курган; 3 — Нов. Шиловка; 4 — В. Ломса; 5 — Анасеули; 6 — Шулаверисгора; 7 — Имирисгора; 8 — Чайёню; 9 — Халлан Чеми; 10 — Кёртик; 11 — Гёбекли-Тепе; 12 — Кафер; 13 — Зави Чеми Шанидар; 14 — Джармо; 15 — Карим Шехир; 16 — Чога-Сефид; 17 — Али-Кош. Рисунки (Б): 1 — Халлан-Чеми (Rosenberg 1994); 2 — Али-Кош (Hole 1994); 3 — Чайёню (Özdoğan 1994); 4 — Карим Шахир (Braidwood et al. 1983); 5 — Анасеули (Небиеридзе 1972); 6 — Джармо (Braidwood et al. 1983); 7 — Чога-Сефид (Hole 1977).

Fig. 24. Distribution of drills and perforators on the main Neolithic sites of the Caucasus and Middle East (after Kozłowski, Aurenche 2005).

Map (A): 1 — Rakushechnyi Yar, Razdorskaya 2; 2 — Matveev Kurgan; 3 — Novaya Shilovka; 4 — V. Lomsa; 5 — Anaseuli; 6 — Shulaverisgora; 7 — Imirisgora; 8 — Çayönü; 9 — Hallan Çemi; 10 — Körtik; 11 — Göbekli Tepe; 12 — Cafer; 13 — Zawi Chemi Shanidar; 14 — Jarmo; 15 — Karim Shahir; 16 — Choga Sefid; 17 — Ali Kosh. Drawings (B): 1 — Hallan Çemi (Rosenberg 1994); 2 — Ali Kosh (Hole 1994); 3 — Çayönü (Özdoğan 1994); 4 — Karim Shahir (Braidwood et al. 1983); 5 — Anaseuli (Небиеридзе 1972); 6 — Jarmo (Braidwood et al. 1983); 7 — Choga Sefid (Hole 1977).

ботаническими и антракологическими анализами образцов из слоев, вмещающих культурные отложения.

В чем же было своеобразие неолитизации Нижнего Подонья по сравнению с Ближним

Востоком, Балканами и Центральной Европой? Нам представляется, самым важным отличием было то, что элементы новой экономической, социальной и идеологической модели были, по всей видимости, вос-

приняты местным мезолитическим населением таким образом, что это не привело к качественной, структурной трансформации общества. В данном случае «революция символов», имевшая отчасти место в Нижнем Подонье, оказалась бессильной. Мир докерамического неолита В, неолитических деревень, знакомый по Ближнему Востоку, Анатолии, Балканам и Центральной Европе, здесь так и не наступил. Неолит Нижнего Дона оставался еще длительное время, вероятно, до наступления эпохи энеолита, по своей сути, несколько более сложно организованным, но все же обществом охотников, собирателей и рыболовов. Остается загадкой: какую роль играло в нем появление животноводства и земледелия? Являлись ли элементами престижа, социальной страховки, или, как считал Ж. Кове, символом победы

человека над силами природы? Динамика развития неолита в этом регионе показывает, что значение южных связей то усиливалось, то затухало (Gorelik, Cybrij 2007: 37—39). По всей видимости, в распространении форм керамической посуды и приемов орнаментации в VII тыс. до н. э. и позднее могли играть важную роль восточные импульсы, например, со стороны Северного Прикаспия и елшанской культуры (Doluchanov et al. 2009: 10). Нельзя исключить и роль влияний западных соседей, например, буго-днестровской и сурской культур. Проблема вычленения субстратной части раннеолитического общества представляется не менее сложной, нежели выделение ее суперстратной части. Обе эти задачи остаются актуальными для ближайшей перспективы научного изучения мезолита и неолита Нижнего Подонья.

Литература

- Амирханов Х. А. 1987. *Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана*. Москва: Наука.
- Бадер Н. О. 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. В: Мунчаев Р. М. (отв. ред.). *Исследования Советской археологической экспедиции в Ираке на поселениях Тель Магзалия, Тель Сотто, Кюльтепе*. Москва: Наука.
- Белановская Т. Д. 1995. *Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья*. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета.
- Бжания В. В. 1996. Кавказ. В: Ошибкина С. (отв. ред.). *Неолит Северной Евразии*. Археология с древнейших времен до средневековья в 20 томах. Москва: Наука, 73—86.
- Бодянский О. 1949. Неолітична стоянка на острові Шулаевому. *Археологічні пам'ятки II*. Київ, 158—167.
- Гавриленко І. М. 2001. «Човники» доби мезоліту-енеоліту та проблема їхнього призначення. *Всхідноєвропейський археологічний журнал* 5 (12). URL: <http://archaeology.kiev.ua/journal/txt/index.html>. Дата обращения 10 октября 2013 г.
- Гиря Е. Ю. 1997. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. *Археологические изыскания* 44. Санкт-Петербург.
- Гогитидзе С. 1978. *Неолитическая культура Юго-Восточного Причерноморья*. Тбилиси: Мецниереба.
- Горелик и др. 2013: Горелик А., Цыбрий А., Цыбрий В., Бенек Н. 2013. *Проблемы экономико-археологического анализа материалов неолитического поселения Ракушечный Яр и синхронных поселений Приазовья*. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, в печати.
- Даниленко В. М. 1950. До питання про ранній неолит Південної Наддніпрянщини. *Археологія* III, 119—147.
- Даниленко В. Н. 1969. *Неолит України. Главы древней истории Юго-Восточной Европы*. Киев: Наукова думка.
- Залізник Л. Л., Панченко Ю. В. 2007. Неолітизація Правобережної України: Балкани чи «Східний імпульс»? *Матеріали та дослідження з археології Східної України* 7, 6—14.
- Кияшко В. Я. 1987. Многослойное поселение Раздорское 1 на Нижнем Дону. *КСИА* 192, 73—80.
- Кияшко В. Я. 1994. *Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в 5—3 тыс. до н. э.)*. Азов.
- Котова Н. С. 2002. *Неолитизация Украины*. Луганск: Шлях.
- Красильников К. И. 1999. *Древнее камнерезное искусство Луганщины*. Луганск: Шлях.
- Крижевская Л. Я. 1983. Некоторые данные о древнейшей керамике степей Причерноморья. В: Крижевская Л. Я. (отв. ред.). *Изыскания по мезолиту и неолиту СССР*. Ленинград: Наука, 60—64.
- Крижевская Л. Я. 1992. *Начало неолита в степях Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Кушнарева К. Х. 1993. Южный Кавказ в IX—II тыс. до н. э. *Этапы культурного и социально-экономического развития*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Леонова Е. В. 2009. О хронологии и периодизации позднеплейстоценовых-раннеголоценовых памятников Северо-Западного Кавказа (по материалам последних исследований в Губском ущелье). *РА* 4, 94—107.
- Небиеридзе Л. Д. 1972. *Неолит Западного Кавказа*. Тбилиси: Мецниереба.
- Нужний Д. Ю. 1992. *Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці*. Київ: Наукова думка.
- Привалов А. И. 1994. Памятник сурско-днепровской культуры в Днепровском Надпорожье. *Донецкий археологический сборник* 5. Донецк: Донецкий университет, 104—114.
- Телегін Д. Я. 1968. *Дніпро-донецька культура. До історії населення епохи неоліту — раннього металу Півдня Східної Європи*. Київ: Наукова думка.
- Телегін Д. Я. 1981. Про неолітичні пам'ятки Подоння і Степового Поволжя. *Археологія* 36, 3—18.
- Телегін Д. Я. 2002. *Ізренське поселення на Подніпров'ї та проблема житлобудування в мезоліті Східної Європи*. Луганськ: Шлях.
- Тубольцев О. В. 2005. Неопубликованные материалы по раннему неолиту Надпорожья. *Старожитности степовой Украины і Криму XII*, 28—49.

№2. 2014

- Усачева И.В. 2013. «Утюжки» Евразии. Новосибирск: Наука.
- Формозов А.А. 1962. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. *МИА* 102, 89—149.
- Формозов А.А. 1965. *Каменный век и энеолит Прикубанья*. Москва: Наука.
- Формозов А.А. 1977. *Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР*. Москва: Наука.
- Цыбрий В.В., Цыбрий А.В. 2003. Неолитические памятники бассейна Нижнего Дона, Восточного и Северо-Восточного Приазовья (по материалам Ростовской области). *Археологический альманах* 13, 281—298.
- Цыбрий В.В. 2008. *Неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья*. Ростов-на-Дону: Изд-во АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ.
- Цыбрий В.В. 2010. *Отчет о раскопках стоянки Раздорская 2 в 2010 г.* Архив ДАО. № 2010/Р.
- Цыбрий и др. 2013. Цыбрий А., Цыбрий В., Горелик А.Ф. *Неолитическое поселение Ракушечный Яр в Нижнем Подонье: стратиграфия, хронология и культурное своеобразие*. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та.
- Aleksandrovsky et al. 2009: Aleksandrovsky A.L., Belanovskaya T.D., Dolukhanov P.M., Kiyashko V.Ya., Kremenetsky K.V., Lavrentiev N.V., Shukurov A.M., Tsybriy A.V., Tsybriy V.V., Kovalyukh N.N., Skripkin V.V., Zaitseva G.I. 2009. The Lower Don Neolithic. In: Dolukhanov P.M., Sarson G.R., Shukurov A.M. (eds.). *The East European Plain on the Eve of Agriculture*. BAR International Series S1964. Oxford, 89—98.
- Arimura et al. 2010: Arimura M., Badalyan R., Gasparyan B., Chataigner C. 2010. Current Neolithic Research in Armenia. *Neo-Lithic* 1/10, 77—85.
- Benecke N. 1997. Archaeozoological studies on the transition from the Mesolithic to the Neolithic in the North Pontic region. *Anthropozoologica* 25—26, 631—641.
- Biagi P., Kiosak D. 2010. The Mesolithic of the northwestern Pontic region. New AMS dates for the origin and spread of the blade and trapeze industries in south eastern Europe. *Eurasia Antiqua* 16, 21—41.
- Braidwood L.S., Braidwood R.J. (eds.). 1982. *Prehistoric Village Archaeology in South-Eastern Turkey. The eighth millennium B.C. site at Çayönü: its chipped and ground stone industries and faunal remains*. BAR International Series 138. Oxford.
- Braidwood et al. 1983: Braidwood L.S., Braidwood R.J., Howe B., Reed Ch.A., Watson P. 1983. *Prehistoric archaeology along the Zagros flanks*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago.
- Cauvin J. 2000. *The Birth of the Gods and the Origins of Agriculture*. Cambridge: University Press.
- Cauvin et al. 2011: Cauvin J., Aurenche O., Cauvin M.-C., Balkan-Atli N. 2011. The Pre-Pottery Site of Cafer Höyük. In: Özdoğan M., Başgelen N., Kuniholm P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New excavations & New Research. The Euphrates Basin*. Istanbul: Archaeology & Art Publication, 1—40.
- Cohen M. 1977. *The Food Crisis in Prehistory: Overpopulation and the Origins of Agriculture*. New Haven: Yale University Press.
- Davis M.K. 1982. The Çayönü ground stone. In: Braidwood L.S., Braidwood R.J. (eds.). *Prehistoric Village Archaeology in South-Eastern Turkey. The eighth millennium B.C. site at Çayönü: its chipped and ground stone industries and faunal remains*. BAR International Series 138. Oxford, 73—126.
- Dolukhanov et al. 2009: Dolukhanov P.M., Shukurov A., Davison K., Sarson G., Gerasimenko N.P., Pashkevich G.A., Vybornov A.A., Kovalyukh N.N., Skripkin V.V., Zaitseva G.I., Sapelko T.V. 2009. The Spread of Neolithic in the South East European Plain: Radiocarbon Chronology, Subsistence, and Environment. *Radiocarbon* 51 (2), 1—11.
- Erim-Özdoğan A. 2011. Sumaki Höyük. A New Neolithic Settlement in the Upper Tigris Basin. In: Özdoğan M., Başgelen N., Kuniholm P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New excavations & New Research. The Tigris Basin*. Istanbul: Archaeology & Art Publication, 19—60.
- Geörg C. 2013. *Paläopopulationsgenetik von Schwein und Schaf in Südosteuropa und Transkaukasien. Menschen-Kulturen-Traditionen*. Rahden, Westf.: Leidorf.
- Gorelik A.F., Cybriy A.V. 2007. Die spätneolithische Siedlung Kremennaja II am Unteren Don. *Eurasia Antiqua* 13, 21—42.
- Hamilton N. 1996. Figurines, Clay Balls, Small Finds and Burials. In: Hodder J. (ed.). *On the surface: Çatalhöyük 1993—95*. Ankara: Mc Donald Institute, 215—264.
- Hansen S. 2007. Kleinkunst und Großplastik Menschendarstellungen von Vorderasien-Anatolien bis in den Donauraum. In: Lichter Cl. (Hrsg.). *Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit*. Karlsruhe: Badisches Landesmuseum Karlsruhe, 192—206.
- Hauptmann H. 2011. The Urfa Region. In: Özdoğan M., Başgelen N., Kuniholm P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New excavations & New Research. The Euphrates Basin*. Istanbul: Archaeology & Art Publication, 85—138.
- Hole F. 1983. The Jarmo chipped stone. In: Braidwood L.S., Braidwood R.J., Howe B., Reed Ch.A., Watson P. (eds.). *Prehistoric archaeology along the Zagros flanks*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 235—290.
- Inizan M.L. 2012. Pressure Debitage in the Old World: Forerunners Researchers, Geopolitics-Handling on the Baton. In: Desrosiers P.M. (ed.). *The Emergence of Pressure Blade Making. From Origin to Modern Experimentation*. Dordrecht; Heidelberg; London, 11—42.
- Kiguradze T. 1986. Neolithische Siedlungen von Kvemo-Kartli, Georgien. *Materialien zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie* 29. München: C.H. Beck.
- Kiguradze T., Menabde M. 2004. The Neolithic of Georgia. In: Sagona A. (ed.). *View from the Highlands. Archaeological Studies in Honour of Charles Burney*. Leuven: Peeters, 345—398.
- Köksal-Schmidt Ç., Schmidt Kl. 2007. Perlen, Steingefäße, Zeichentäfelchen. Handwerkliche Spezialisierung und steinzeitliches Symbolsystem. In: Lichter Cl. (Hrsg.). *Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit*. Karlsruhe: Badisches Landesmuseum Karlsruhe, 97—109.
- Kozłowski S.K. 1999. *The Eastern Wing of the Fertile Crescent. Late Prehistory of Greater Mesopotamian lithic industries*. BAR International Series 760. Oxford.
- Kozłowski S.K., Aurenche O. 2005. *Territories, Boundaries and Cultures in the Neolithic Near East*. BAR International Series 1362. Oxford.
- Krauß R. 2011. On the Monochrome Neolithic in Southeast Europe. In: Krauß R. (Hrsg.). *Beginnings — New Research in the Appearance of the Neolithic between Northeast Anatolia and the Carpathian Basin. Papers of the International Workshop 8th—9th April 2009, Istanbul*. Rahden, Westf.: Marie Leidorf GmbH, 109—125.
- Križevskaja L.J. 1981. Der Übergang vom Mesolithikum

- zum Neolithikum in den Steppen des nordöstlichen Schwarzmeergebietes. *Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdams* 14/15, 121—128.
- Lichter Cl. (Hrsg.). 2007. *Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit*. Karlsruhe: Badisches Landesmuseum Karlsruhe.
- Mazurovski R. F. 1997. *Nemrik 9. Pre-Pottery Neolithic Site in Iraq*. Vol. 3. *Ground and Pecked Stone Industry in the Pre-Pottery Neolithic of Northern Iraq*. Warsaw: Wydawnictwa Instytutu Archeologii.
- Melaart J. 1975. *The Neolithic of the Near East*. London: Thames and Hudson.
- Miyake Y. 2011. Salat Cami Yani. A Pottery Neolithic Site in the Tigris Valley. In: Özdoğan M., Başgelen N., Kuniholm P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New excavations & New Research. The Tigris Basin*. Istanbul: Archaeology & Art Publication, 129—149.
- Moholy-Nagy H. 1983. Jarmo artefacts of pecked and ground stone and of shell. In: Braidwood L. S., Braidwood R. J., Howe B., Reed Ch. A., Watson P. (eds.). *Prehistoric archaeology along the Zagros flanks*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 290—346.
- Morales V. Br. 1983. Jarmo figurines and other clay objects. In: Braidwood L. S., Braidwood R. J., Howe B., Reed Ch. A., Watson P. (eds.). *Prehistoric archaeology along the Zagros flanks*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago 369—394.
- Noy T. 1991. Art and decoration of the Natufian at Nahal Oren. In: Bar-Yosef O., Valla Fr. R. (eds.). *The Natufian Culture in the Levant*. Ann-Arbor: International Monographs in Prehistory, 557—568.
- Özbasaran M., Duru G. 2011. Akarçay Tepe, A PPNB and PN Settlements in Middle Euphrates-Urfa. In: Özdoğan M., Başgelen N., Kuniholm P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New excavations & New Research. The Euphrates Basin*. Istanbul: Archaeology & Art Publication, 165—202.
- Özdoğan M. 2011. An Anatolian Perspective on the Neolithization Process in the Balkans. New Questions, New Prospects. In: Krauß R. (Hrsg.). *Beginnings — New Research in the Appearance of the Neolithic between Northeast Anatolia and the Carpathian Basin. Papers of the International Workshop 8th—9th April 2009, Istanbul*. Rahden, Westf.: Marie Leidorf GmbH, 23—34.
- Özkaya V., Coşkun A. 2011. Körtik Tepe. In: Özdoğan M., Başgelen N., Kuniholm P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New excavations & New Research. The Tigris Basin*. Istanbul: Archaeology & Art Publication, 89—127.
- Perles C. 2001. *The Early Neolithic in Greece. The first farming communities in Europe*. Cambridge: University Press.
- Rosenberg M. 2011. Hallaçemi. In: Özdoğan M., Başgelen N., Kuniholm P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New Excavations & New Research. The Tigris Basin*. Istanbul: Archaeology & Art Publication, 61—78.
- Rostunov u. a. 2009: Rostunov V., Ljachov S., Reinhold S. 2009. Cmi — eine freilandfundstelle des Spätmesolithikums und Frühneolithikums in Nordossetien (Nordkaukasus). *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 41, 47—74.
- Scheu A. 2012. Palaeogenetische Studien zur Populationsgeschichte von Rind und Ziege mit einem Schwerpunkt auf dem Neolithikum in Südosteuropa. In: Gerlach I., Raue D. (Hrsg.). *Menschen-Kulturen-Traditionen 4*. Rahden, Westf.: Leidorf.
- Schmandt-Besserat D. 1992. *Before Writing 1. From Counting to Cuneiform*. Austin: University of Texas Press.
- Schmidt Kl. 2007. Die Steinkreise und die Reliefs des Göbekli Tepe. In: Lichter Cl. (Hrsg.). *Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit*. Karlsruhe: Badisches Landesmuseum Karlsruhe, 83—96.
- Solecki R. L., Solecki R. S. 1970. Grooved Stones from Zawi Chemi Shanidar, a Protoneolithic Site in Northern Iraq. *American Anthropologist* 72, 831—841.
- Solecki R. L. 1980. *An Early Village Site at Zawi Chemi Shanidar*. Malibu, CA: Undena Publications.
- Thissen L. C. 2007. Die Anfänge der Keramikproduktion. In: Lichter Cl. (Hrsg.). *Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit*. Karlsruhe: Badisches Landesmuseum Karlsruhe, 218—229.
- Wechler K.-P. 1997. Poliroval'niki und das Neolithikum der Steppe und Waldsteppe Osteuropas. In: Becker C. u. a. (Hrsg.). *Chronos. Beiträge zur prähistorischen Archäologie zwischen Nord- und Südosteuropa. Festschrift für Bernhard Hänsel*. Espelkamp, 107—117.
- Wechler K.-P. 2001. *Studien zum Neolithikum der osteuropäischen Steppe*. Archäologie in Eurasien 12. Mainz: von Zabern.
- Zeder M. A. 2009. The Neolithic Macro-(R)Evolution: Macroevolutionary Theory and the Study of Culture Change. *Journal of Archaeological Research* 17, 1—63.

References

- Amirkhanov, Kh. A. 1987. *Chokhskoe poselenie. Chelovek i ego kul'tura v mezolite i neolite gornogo Dagestana (The settlement of Choh. Man and his culture in the Mesolithic and Neolithic of the montane Daghestan)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Bader, N. O. 1989. In *Issledovaniia Sovetskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v Irake na poseleniakh Tell' Magzaliia, Tell' Sotto, Kiul'tepe (Earliest farmers of Northern Mesopotamia. Investigations of the Iraq Soviet exoedition on Tell Magzalia, Tell Sotto, Kül'tep)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Belanovskaya, T. D. 1995. *Iz drevneishego proshlogo Nizhnego Podon'ia (From the oldest history of Lower Don region)*. Saint Petersburg: SPbGU (in Russian).
- Bzhaniya, V. V. 1996. In *Neolit Severnoi Evrazii. Arkheologiia s drevneishikh vremen do srednevekov'ia v 20 tomakh (Archaeology from Prehistory to Middle Age in 20 volumes)*. Moscow: Nauka, 73—86 (in Russian).
- Bodyanskyj, O. 1949. In *Arkheolohichni pam'yatky (Archaeological sites I) II*. Kiev, 158—167 (in Ukrainian).
- Gavrilenko I. M., 2001. In *Vostochnoevropeiskii arkheologicheskii zhurnal (East-European archaeological journal)* 5 (12). URL: <http://archaeology.kiev.ua/journal/txt/index.html>. Date of access 10.10.2013 (in Ukrainian).
- Girya, E. Yu. 1997. In *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological investigations)* 44. Saint Petersburg (in Russian).
- Gogitidze, S. 1978. *Neolithicheskaia kul'tura Iugo-Vostochnogo Prichernomor'ia (Neolithic culture of South-Eastern Black Sea region)*. Tbilisi: Metsniereba (in Russian).
- Gorelik, A., Tsybriy, A., Tsybriy, V., Beneke, N. 2013. *Problemy ekonomiko-arkheologicheskogo analiza materialov neolithicheskogo poseleniia Rakushechnyi Yar i sinkhronnykh poselenii Priazov'ia (Problems of economical-archaeological analysis of the materials from the Neolithic settlement of Rakushechnyi Yar and synchronous settlements of the Azov region)*. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, in print (in Russian).
- Danilenko, V. M. 1950. In *Arkheolohiia (Archaeology)* III, 119—147 (in Ukrainian).
- Danilenko, V. N. 1969. *Neolit Ukrainy. Glavy drevnei istorii Iugo-Vostochnoi Evropy (Neolithic of Ukraine. Chapters from the ancient history of South-Eastern Europe)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

№2. 2014

- Zaliznyak, L. L., Panchenko, Yu. V. 2007. In *Materialy ta doslidzhennya z arkeologii Shkhidnoi Ukrainy (Materials and researches in the archaeology of Eastern Ukraine)* 7, 6—14 (in Ukrainian).
- Kiyashko, V. Ya. 1987. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkeologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 192, 73—80 (in Russian).
- Kiyashko, V. Ya. 1994. *Mezhdru kamnem i bronzoi (Nizhnee Podon'e v 5—3 tys. do n. e.) (Between stone and bronze (Lower Don region in 5th—3th millennia BC))*. Azov (in Russian).
- Kotova, N. S. 2002. *Neolitizatsiia Ukrainy (Neolithisation of Ukraine)*. Lugansk: Shliakh (in Russian).
- Krasilnikov, K. I. 1999. *Drevnee kamneznoe iskusstvo Luganshchiny (Ancient stone-cutting art of Lugansk region)*. Lugansk: Shliakh (in Russian).
- Krizhevskaya, L. Ya. 1983. In *Izyskaniia po mezolitu i neolitu SSSR (Researches on Mesolithic and Neolithic of USSR)*. Leningrad: Nauka, 60—64 (in Russian).
- Krizhevskaya, L. Ya. 1992. *Nachalo neolita v stepiakh Severnogo Prichernomor'ia (Beginning of Neolithic in the steppes of Northern Pontic region)*. Saint Petersburg: IIMK RAN (in Russian).
- Kushnareva, K. Kh. 1993. *Iuzhnyi Kavkaz v IX—II tys. do n. e. Etapy kul'turnogo i sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia (Southern Caucasus in the 9th—2nd millennia BC. Stages of cultural and socio-economic development)*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie (in Russian).
- Leonova, E. V. 2009. In *Rossiiskaia Arkeologiya (Russian Archaeology)* 4, 94—107 (in Russian).
- Nebieridze, L. D. 1972. *Neolit Zapadnogo Kavkaza (Neolithic of Western Caucasus)*. Tbilisi: Metsniereba (in Russian).
- Nuzhnyi, D. Yu. 1992. *Rozvytok mikrolitichnoi tekhniki v kam'yanomu vitsi (The development of microlithic technique in the Stone Age: improvement of weapons of prehistoric hunters)*. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Privalov, A. I. 1994. In *Donetskii arkeologicheskii sbornik (Donetsk archaeological compilation)* 5. Donetsk: Donetskii universitet, 104—114 (in Russian).
- Telegin, D. Ya. 1968. *Dnipro-donets'ka kul'tura. Do istori naselelnya epokhy neolitu-rann'oho metalu Pivdnyia Shkhidnoi Evropy (Dnepr-Donetsk culture. To the history of the Neolithic – Early Metal Age population of the South of Eastern Europe)*. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Telegin, D. Ya. 1981. In *Arkeolohiya (Archaeology)* 36, 3—18 (in Ukrainian).
- Telegin, D. Ya. 2002. *Ihrens'ke poselelnya na Podniprovi ta problema zhytlobuduvannya v mezoliti Shkhidnoi Evropy (Igren settlement on Dnieper and the problem of dwelling construction in the Mesolithic of Eastern Europe)*. Lugansk: Shlyakh (in Ukrainian).
- Tuboltsev, O. V. 2005. *Starozhytnosti stepovoi Ukrainy i Krymu (Antiquities of the steppe zone in Northern pontic and Crimea)* XII, 28—49 (in Russian).
- Usacheva, I. V. 2013. «Utiuzhki» Evrazii „Polishers“ of Eurasia). Novosibirsk: Nauka (in Russian).
- Formozov, A. A. 1962. In *Materialy i issledovaniia po arkeologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR)* 102, 89—149 (in Russian).
- Formozov, A. A. 1965. *Kamennyi vek i eneolit Prikuban'ia (Stone Age and Eneolithic of the Kuban region)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Formozov, A. A. 1977. *Problemy etnokul'turnoi istorii kamennogo veka na territorii evropeiskoi chasti SSSR (Problems of ethno-cultural history of the Stone Age on the territory of European part of USSR)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Tsybriy, V. V., Tsybriy, A. V. 2003. In *Arkeologicheskii almanakh (Archaeological almanac)* 13, 281—298 (in Russian).
- Tsybriy, V. V. 2008. *Neolit Nizhnego Dona i Severo-Vostochnogo Priazov'ia (Neolithic of Lower Don and North-Eastern Azov region)*. Rostov-on-Don: APSN SKNTs VSh IuFU (in Russian).
- Tsybriy V.V. 2010. *Otchet o raskopkakh stoianki Razdorskaya 2 v 2010 g. (Report on the excavations of the Razdorskaya 2 site in 2010)*. Arkhiv Donskogo arkeologicheskogo obshchestva (Archive of the Don Archaeological Society). No. 2010/R.
- Tsybriy, A., Tsybriy, V., Gorelik, A. F. 2013. *Neoliticheskoe poselelnie Rakushechnyi Iar v Nizhnem Podon'e: stratigrafia, khronologiya i kul'turnoe svoebrazie (Neolithic settlement of Rakushechnyi Iar in Lower Don region: stratigraphy, chronology and cultural peculiarity)*. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta (in Russian).
- Aleksandrovsky, A. L., Belanovskaya, T. D., Dolukhanov, P. M., Kiyashko, V. Ya., Kremensky, K. V., Lavrentiev, N. V., Shukurov, A. M., Tsybriy, A. V., Tsybriy, V. V., Kovalyukh, N. N., Skripkin, V. V., Zaitseva, G. I. 2009. The Lower Don Neolithic. In: Dolukhanov, P. M., Sarson, G. R., Shukurov, A. M. (eds.). *The East European Plain on the Eve of Agriculture*. BAR International Series S1964. Oxford, 89—98.
- Arimura, M., Badalyan, R., Gasparyan, B., Chataigner, C. 2010. Current Neolithic Research in Armenia. *Neo-Lithic* 1/10, 77—85.
- Benecke, N. 1997. Archaeozoological studies on the transition from the Mesolithic to the Neolithic in the North Pontic region. *Anthropozoologica* 25—26, 631—641.
- Biagi, P., Kiosak, D. 2010. The Mesolithic of the northwestern Pontic region. New AMS dates for the origin and spread of the blade and trapeze industries in south eastern Europe. *Eurasia Antiqua* 16, 21—41.
- Braidwood, L. S., Braidwood, R. J. (eds.). 1982. *Prehistoric Village Archaeology in South-Eastern Turkey. The eighth millennium B.C. site at Çayönü: its chipped and ground stone industries and faunal remains*. BAR International Series 138. Oxford.
- Braidwood, L. S., Braidwood, R. J., Howe, B., Reed, Ch. A., Watson, P. 1983. *Prehistoric archaeology along the Zagros flanks*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago.
- Cauvin, J. 2000. *The Birth of the Gods and the Origins of Agriculture*. Cambridge: University Press.
- Cauvin, J., Aurenche, O., Cauvin, M.-C., Balkan-Atli, N. 2011. The Pre-Pottery Site of Cafer Höyük. In: Özdoğan, M., Başgelen, N., Kuniholm, P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New excavations & New Research. The Euphrates Basin*. Istanbul: Archaeology & Art Publication, 1—40.
- Cohen, M. 1977. *The Food Crisis in Prehistory: Overpopulation and the Origins of Agriculture*. New Haven: Yale University Press.
- Davis, M. K. 1982. The Çayönü ground stone. In: Braidwood L. S., Braidwood R. J. (eds.). *Prehistoric Village Archaeology in South-Eastern Turkey. The eighth millennium B.C. site at Çayönü: its chipped and ground stone industries and faunal remains*. BAR International Series 138. Oxford, 73—126.
- Dolukhanov, P. M., Shukurov, A., Davison, K., Sarson, G., Gerasimenko, N. P., Pashkevich, G. A., Vybomov, A. A., Kovalyukh, N. N., Skripkin, V. V., Zaitseva, G. I., Sapelko, T. V. 2009. The Spread of Neolithic in the South East European Plain: Radiocarbon Chronology, Subsistence, and Environment. *Radiocarbon* 51 (2), 1—11.
- Erim-Özdoğan, A. 2011. Sumaki Höyük. A New Neolithic Settlement in the Upper Tigris Basin. In: Özdoğan, M., Başgelen, N., Kuniholm, P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New excavations & New Research. The Tigris Basin*. Istanbul: Archaeology & Art Publication, 19—60.
- Geörg, C. 2013. *Paläopopulationsgenetik von Schwein und Schaf in Südosteuropa und Transkaukasien. Menschen-Kulturen-Traditionen*. Rahden, Westf.: Leidorf.
- Gorelik, A. F., Cybriy, A. V. 2007. Die späteneolithische Siedlung Kremennaja II am Unteren Don. *Eurasia Antiqua* 13, 21—42.
- Hamilton, N. 1996. Figurines, Clay Balls, Small Finds and Burials. In: Hodder, J. (ed.). *On the surface: Çatalhöyük 1993—95*. Ankara: Mc Donald Institute, 215—264.
- Hansen, S. 2007. Kleinkunst und Großplastik Menschendarstellungen von Vorderasien-Anatolien bis in den Donauraum. In: Licher Cl. (Hrsg.). *Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit*. Karlsruhe: Badisches Landesmuseum Karlsruhe, 192—206.
- Hauptmann, H. 2011. The Urfa Region. In: Özdoğan, M., Başgelen, N., Kuniholm, P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New excavations & New Research. The Euphrates Basin*. Istanbul: Archaeology & Art Publication, 85—138.
- Hole, F. 1983. The Jarmo chipped stone. In: Braidwood, L. S., Braidwood, R. J., Howe, B., Reed, Ch. A., Watson, P. (eds.). *Prehistoric archaeology along the Zagros flanks*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 235—290.
- Inizan, M. L. 2012. Pressure Debitage in the Old World: Forerunners Researchers, Geopolitics-Handing on the Baton. In: Desrosiers P. M. (ed.). *The Emergence of Pressure Blade Making. From Origin to Modern Experimentation*. Dordrecht; Heidelberg; London, 11—42.

- Kiguradze, T. 1986. Neolithische Siedlungen von Kvemo-Kartli, Georgien. *Materialien zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie* 29. München: C. H. Beck.
- Kiguradze, T., Menabde, M. 2004. The Neolithic of Georgia. In: Sagona A. (ed.). *View from the Highlands. Archaeological Studies in Honour of Charles Burney*. Leuven: Peeters, 345—398.
- Köksal-Schmidt, Ç., Schmidt, Kl. 2007. Perlen, Steingefäße, Zeichentafelchen. Handwerkliche Spezialisierung und steinzeitliches Symbolsystem. In: Lichter Cl. (Hrsg.). *Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit*. Karlsruhe: Badisches Landesmuseum Karlsruhe, 97—109.
- Kozłowski, S.K. 1999. *The Eastern Wing of the Fertile Crescent. Late Prehistory of Greater Mesopotamian lithic industries*. BAR International Series 760. Oxford.
- Kozłowski, S.K., Aurenche, O. 2005. *Territories, Boundaries and Cultures in the Neolithic Near East*. BAR International Series 1362. Oxford.
- Krauß, R. 2011. On the Monochrome Neolithic in Southeast Europe. In: Krauß R. (Hrsg.). *Beginnings — New Research in the Appearance of the Neolithic between Northeast Anatolia and the Carpathian Basin. Papers of the International Workshop 8th—9th April 2009, Istanbul*. Rahden, Westf.: Marie Leidorf GmbH, 109—125.
- Křiževská, L.J. 1981. Der Übergang vom Mesolithikum zum Neolithikum in den Steppen des nordöstlichen Schwarzmeergebietes. *Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam* 14/15, 121—128.
- Lichter Cl. (Hrsg.). 2007. *Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit*. Karlsruhe: Badisches Landesmuseum Karlsruhe.
- Mazurkowski, R.F. 1997. *Nemrik 9. Pre-Pottery Neolithic Site in Iraq. Vol. 3. Ground and Pecked Stone Industry in the Pre-Pottery Neolithic of Northern Iraq*. Warsaw: Wydawnictwa Instytutu Archeologii.
- Melaart, J. 1975. *The Neolithic of the Near East*. London: Thames and Hudson.
- Miyake, Y. 2011. Salat Cami Yani. A Pottery Neolithic Site in the Tigris Valley. In: Özdoğan M., Başgelen N., Kuniholm P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New excavations & New Research. The Tigris Basin*. Istanbul: Archaeology & Art Publication, 129—149.
- Moholy-Nagy, H. 1983. Jarmo artefacts of pecked and ground stone and of shell. In: Braidwood, L.S., Braidwood, R.J., Howe, B., Reed, Ch.A., Watson, P. (eds.). *Prehistoric archaeology along the Zagros flanks*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 290—346.
- Morales, V. Br. 1983. Jarmo figurines and other clay objects. In: Braidwood, L.S., Braidwood, R.J., Howe, B., Reed, Ch.A., Watson, P. (eds.). *Prehistoric archaeology along the Zagros flanks*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago 369—394.
- Noy, T. 1991. Art and decoration of the Natufian at Nahal Oren. In: Bar-Yosef, O., Valla, Fr. R. (eds.). *The Natufian Culture in the Levant*. Ann-Arbor: International Monographs in Prehistory, 557—568.
- Özbasaran, M., Duru, G. 2011. Akarçay Tepe, A PPNB and PN Settlements in Middle Euphrates-Urfa. In: Özdoğan, M., Başgelen, N., Kuniholm, P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New excavations & New Research. The Euphrates Basin*. Istanbul: Archaeology & Art Publication, 165—202.
- Özdoğan, M. 2011. An Anatolian Perspective on the Neolithization Process in the Balkans. New Questions, New Prospects. In: Krauß, R. (Hrsg.). *Beginnings — New Research in the Appearance of the Neolithic between Northeast Anatolia and the Carpathian Basin. Papers of the International Workshop 8th—9th April 2009, Istanbul*. Rahden, Westf.: Marie Leidorf GmbH, 23—34.
- Özkaya, V., Coşkun, A. 2011. Körkik Tepe. In: Özdoğan, M., Başgelen, N., Kuniholm, P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New excavations & New Research. The Tigris Basin*. Istanbul: Archaeology & Art Publication, 89—127.
- Perles, C. 2001. *The Early Neolithic in Greece. The first farming communities in Europe*. Cambridge: University Press.
- Rosenberg, M. 2011. Hallançemi. In: Özdoğan M., Başgelen N., Kuniholm P. (eds.). *The Neolithic in Turkey. New Excavations & New Research. The Tigris Basin*. Istanbul: Archaeology & Art Publication, 61—78.
- Rostunov, V., Ljachov, S., Reinhold, S. 2009. Cmi — eine freilandfundstelle des Spätmesolithikums und Frühneolithikums in Nordossetien (Nordkaukasus). *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 41, 47—74.
- Scheu, A. 2012. Palaeogenetische Studien zur Populationsgeschichte von Rind und Ziege mit einem Schwerpunkt auf dem Neolithikum in Südosteuropa. In: Gerlach, I., Raue, D. (Hrsg.). *Menschen-Kulturen-Traditionen 4*. Rahden, Westf.: Leidorf.
- Schmandt-Besserat, D. 1992. *Before Writing 1. From Counting to Cuneiform*. Austin: University of Texas Press.
- Schmidt, Kl. 2007. Die Steinkreise und die Reliefs des Göbekli Tepe. In: Lichter Cl. (Hrsg.). *Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit*. Karlsruhe: Badisches Landesmuseum Karlsruhe, 83—96.
- Solecki, R.L., Solecki, R.S. 1970. Grooved Stones from Zawi Chemi Shanidar, a Protoneolithic Site in Northern Iraq. *American Anthropologist* 72, 831—841.
- Solecki, R.L. 1980. *An Early Village Site at Zawi Chemi Shanidar*. Malibu, CA: Undena Publications.
- Thissen, L.C. 2007. Die Anfänge der Keramikproduktion. In: Lichter, Cl. (Hrsg.). *Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit*. Karlsruhe: Badisches Landesmuseum Karlsruhe, 218—229.
- Wechler, K.-P. 1997. Poliroval'niki und das Neolithikum der Steppe und Waldsteppe Osteuropas. In: Becker C. u.a. (Hrsg.). *Chronos. Beiträge zur prähistorischen Archäologie zwischen Nord- und Südosteuropa. Festschrift für Bernhard Hänsel*. Espelkamp, 107—117.
- Wechler, K.-P. 2001. *Studien zum Neolithikum der osteuropäischen Steppe*. Archäologie in Eurasien 12. Mainz: von Zabern.
- Zeder, M.A. 2009. The Neolithic Macro-(R)Evolution: Macroevolutionary Theory and the Study of Culture Change. *Journal of Archaeological Research* 17, 1—63.

Статья поступила в номер 19 января 2014 г.

Alexander Gorelik (Bochum, Germany). Candidate of Historical Sciences.

Alexander Gorelik (Bochum, Germania). Candidat în științe istorice.

Горелик Александр Феликсович (Бохум, Германия). Кандидат исторических наук.

E-mail: gorelik_alexander@hotmail.com

Andrei Tsybriy (Rostov-on-Don, Russia). Candidate of Historical Sciences. The Don Archaeological Society¹.

Andrei Tsybriy (Rostov-pe-Don, Rusia). Candidat în științe istorice. Societatea pentru arheologia Donului.

Цыбрий Андрей Витальевич (Ростов-на-Дону, Россия). Кандидат исторических наук. Донское археологическое общество.

E-mail: tsybriya@mail.ru

Victor Tsybriy (Rostov-on-Don, Russia). Candidate of Historical Sciences. The Don Archaeological Society².

Victor Tsybriy (Rostov-pe-Don, Rusia). Candidat în științe istorice. Societatea pentru arheologia Donului.

Цыбрий Виктор Витальевич (Ростов-на-Дону, Россия). Кандидат исторических наук. Донское археологическое общество.

E-mail: rostspect@mail.ru

Address: ^{1,2} M. Gorky St., 95A, Rostov-on-Don, 44082, Russia